

Леонид КОРНИЕНКО

ФАНТОМ ЖУРАВЛИКА

(Эссе, рассказы, повесть)

Москва
Вест-Консалтинг
2010

ФАНТОМ ЖУРАВЛИКА

(эссе)

Л. Корниенко. ФАНТОМ ЖУРАВЛИКА. Эссе, рассказы, повесть. — М., Вест-Консалтинг, 2010. — 124 с.

ISBN

© Л. Корниенко, 2010
© Вест-Консалтинг — оригинал-макет, верстка,
2010

Журавль считался в античные времена священной птицей богини плодородия и земледелия Деметры. Его перелеты с юга на север и обратно возвещали о наступлении весны или осени. Это сделало его символом обновления, а в христианскую эпоху — символом воскрешения.

Мои будущие родители, стеснительный украинец и жизнерадостная ингерманландка, познакомились в 1939 году во время службы в так называемой Финской Народной Армии, плод политических замыслов Сталина перед Финской кампанией (1939-1940). В начале Отечественной войны он уже был помощником начальника медснабжения, она — старшей медсестрой Отдельного Медико-санитарного батальона дивизии. А 1 мая 1942 года, оба старшие лейтенанты мед. службы, стали «законно брачными» по записям учетных книг этого же Медико-Санитарного батальона. Война есть война, погибнуть можно было в любой момент. Но думать об этом не хотелось и верилось, что ничего с ними не случится. Вот и осень пришла. В сером карельском небе над войной к югу потянулись журавлиные клинья. На фронте затишье. И вдруг поступил приказ мобилизовать в тылу всех способных держать оружие: фашистские танки прорвались в тыл дивизии. Мобилизовали и помощника начальника медснабжения. Утром молодые супруги, бледные и молчаливые, стояли у грузовика с мобилизованными, не поднимая друг на друга глаз. Он в белом полушубке, с двумя гранатами за поясом, с вещмешком за спиной. В нем, кроме солдатских пожитков, грубой овечьей шерсти белые варежки, любовно связанные ею накануне. Над расположением медсанбата в небе пролетел клин громко курлыкающих журавлей. Все подняли глаза. Посмотрели друг на друга, потом на журавлей и молодые супруги. А через полчаса приехал на мотоцикле посыльный из штаба дивизии и отменил приказ. Улетевшие журавли

унесли на своих крыльях смерть. Отец не погиб. А значит, родился я.

После войны журавль стал символом выживания после атомной бомбардировки Хиросимы. Двухлетняя Садако Сасаки чудом осталась жива, но была облучена. В Японии существует легенда, согласно которой любой, кто сложит тысячу бумажных журавликов и загадает желание, то оно исполнится. Садако рассказали эту легенду, и она поверила в неё. Она очень хотела жить и быть счастливой. Успела она сделать только 644 журавлика и умерла, когда мне был год. Потом был Карибский кризис, и весь мир замер в ожидании катастрофы. Я в это время пошел в первый класс. Поэт Расул Гамзатов посетил памятник Садако в Хиросиме. Родилось стихотворение «Журавли». Ян Френкель написал к нему музыку. Когда однажды вечером она впервые зазвучала в эфире, мои родители вдруг примолкли. Я выглянул из комнаты, где делал уроки, и увидел на глазах у них слезы. Что им вспомнилось?

Не знаю. Но мне к этому времени уже хорошо было известно, что образы русских журавлей и японского журавлика всю жизнь для них символизировали мостик из сурового прошлого в нынешнюю благополучную жизнь.

До сих пор и весь мир верит в фантом журавлика, как символ преодоления возникающих трудностей, сложившихся обстоятельств и даже угрозы смерти. Верил и я. И при Советском Союзе, и в лихие 90-ые, и теперь, когда уехал в Финляндию. И образ журавлика тенью летел над всем тем, что я написал за все эти десятилетия.

80-ЫЕ ГОДЫ

ЧЕРНЫЕ КРЕСТЫ НА КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Элеонора Павловна, одинаково необъятная в бедрах и плечах географичка, вошла в учительскую, грохнула кипу свернутых карт на стол и громогласно объявила присутствовавшим учителям:

— Поздравляю, друзья мои! После долгого весеннего загула в 5-А на уроках вновь объявился Геннадий Колесник.

Алена Павловна, миниатюрная и блондинистая биологичка, в яростном отвращении затрясла перед собой яркокрашеными пальчиками:

— Какой ужас! У меня же в этом 5-А сейчас урок!

— О! Поздравляю вдвойне! У вас с ним, милочка, обоюдная симпатия!

— Симпатия?! На куски бы разорвала, дрянь этакую!

— Это, милочка, вам сейчас и улыбается! Хо-хо-хо!

Огромный бюст географички заколыхался от трубного хохота. Биологичка кисло улыбнулась уголками ярконапомаженных губ и томно прикрыла глаза полукружьями густонакрашенных ресниц: мол, от судьбы не уйдешь!

Мой урок истории был следующим за уроком биологички в 5-А. Если она не отправит этого Колесника за дневником или родителями домой, я тоже удостоюсь счастья видеться с ним. Что же это была за фигура в 5-А классе? Авторитетно (есть основания!) заявляю: самая заурядная, которая имеется в каждой общеобразовательной школе, почти в каждом классе, начиная с первого по выпускной. Мать его работала кладовщиком на какой-то продовольственной базе. Отец — то ли кочегаром, то ли грузчиком там же. Мать — ни разу, а вот папашу Колесника я два раза лицезрел. Коротышка с угловатым лысым черепом на тонкой шее и глубоко всажеными глазами под надбровные дуги, с приплюснутым носом и лягушачьим ртом, он производил впечатление никогда не сомневающегося человека. Всякий раз, когда после очередного залета или выкрутаса сына его вызывали в школу, Колесник-старший приходил почти всегда утром, видно,

перед или после работы. Он внимательно выслушивал все, что ему говорили, выразительно качал своим черепом и неожиданным басом обещал принять меры «незамедлительно». Меры предпринимались, видимо, в тот же день. Колесник-младший появлялся в школе через день. Два дня после этого он еще ходил неестественно прямо, бережнонося нижнюю часть тела. Острое, худое лицо его, с такими же как у отца глубоко посаженными серыми глазками, выражало в это время глубочайшее презрение ко всем «училкам». Встречая в коридоре особенно (с его точки зрения!) вредного учителя, Колесник выдвигал нижнюю челюсть и крадучись заходил ему за спину, целился указательным пальцем и ...начинал деловито «расстреливать» ничего не подозревающего учителя. Все вокруг покатывались со смеху, учитель недоуменно оглядывался, а Колесник дул на кончик указательного пальца и изрекал: «Джонни — не мажет!..»

Когда я пришел на свой урок в 5-А, первым делом я посмотрел на заднюю парту. Колесник сидел на своем месте. Вытянув шею, он глядел в окно.

Захлопали сидения парт.

Колесник, словно пружинка, дернулся и испуганно повернулся в мою сторону. Серое, худое лицо, серые точки глаз под белесыми бровями, тонкая грязная шея, нестриженные волосы, оттопыренные, как листики, уши, мятый пыльный пиджачок: в глаза так и ударило неухоженностью.

Я поздоровался с классом, повесил карту, записал в журнал тему и приготовился говорить.

Уроки я всегда начинал с рассказа. Слушать нудные ответы учеников, видеть при этом их напряженные, потеющие в потугах физиономии в начале урока?! Нет уж, слуга покорный! Это удовольствие я уже несколько лет оставлял на потом...

Класс притих.

Я начал рассказывать.

Тема была о культуре Древнего Рима. Материал обширный и ...довольно скучный. Зацепиться не за что, увлечь

детей нечем! То ли дело история восстания рабов под предводительством Спартака!.. Впрочем, большинство слушало меня с вниманием. Глаза — настороженные, открытые... Хотя нет, все равно какие-то ...пустые! Так, наверное, смотрели римляне на бои гладиаторов. Пока шел поединок, их глаза светились увлеченно и радостно. Но вот уходил победитель, утаскивали тело убитого, засыпали песком на арене кровь — и пережитое чувство сразу меркло, уходило в прошлое, как кровь в песок, засыпалось ворохом новых событий и впечатлений... Жизнь у владельцев таких глаз обычно течет ни за что не цепляясь и, главное, ничему не удивляясь...

На душе стало холодно и неуютно. Я стал смотреть поверх голов учеников.

В воображении заскользили, осветились внутренним светом вереницы акрополей, колонн, фресковых фигур и статуй в характерных античных одеяниях. Они — стали осязаемыми, живыми. Мир — обрел яркость, неповторимость...

Я увлекся и не заметил, как стрелка часов перешла границу половины урока. Легкий шумок, пробежавший по классу, заставил меня очнуться.

Я глянул на часы. Черт возьми! Давно пора начать опрос! Ученики, видимо, невольно зашумели, радуясь, что меньше времени теперь уйдет на это гиблое дело.

Обыденность вернула меня в скучное русло урока. Я положил указку, давая понять, что закончил. Но шум не стихал. Все оглядывались на Колесника. Я тоже посмотрел в его сторону.

Колесник с нарочитой сосредоточенностью, деловито выпятив нижнюю острую челюсть, что-то чертил на расстеленном по парте пионерском галстуке. Я вытянул шею.

По периметру красного куса материи вставала ровным частоколом... фашистская свастика! Та самая, которая маячила на бортах самолетов и танков, на нарукавных повязках эсэсовцев, на штандартах гитлеровского вермахта...

В чувстве, которое в следующий момент, как волна, окатило меня, смешалось все: и ошеломление, и гнев, и даже что-то похожее на злорадование. Только много позже я понял,

что это была звериная, воспитанная на идейных лозунгах радость от сознания того, что перед тобой — живой! настоящий! не нарисованный на картинке, теоретический, а живой, идейный враг! Пусть даже в облике дохлого заморыша-пятиклашки!

Мгновение спустя в классе наступила гробовая тишина. Почуввав неладное, Колесник испуганно вскинул голову, серые точки глаз метнулись по обращенным в его сторону лицам ребят и, наконец, наткнулись на меня.

Наверное, что страшное было написано на моем лице. Белесые брови Колесника сразу поползли вверх, рот приоткрылся, серые точки глаз исчезли, и на меня уставились два черных, полных ужаса зрачка.

Чувствуя, как затряслись мелкой неуправляемой дрожью руки, как знобко стало в груди, как нестерпимо захотелось ударить в подплывший каким-то образом под правую руку острый подбородок Колесника, я схватил его за шиворот и, как котенка, выдернул из-за парты.

— Ай! Дяденька! — пискнул он, разом забыв и мое имя, и свое занятие.

Ручка полетела куда-то в сторону. Красный галстук с черными крестами остался лежать на парте.

— Сволочь! — рыкнул я, сгребая галстук и почти неся пацана за шиворот к дверям.

Много позже, прокручивая в памяти этот эпизод, я обратил внимание, с какой покорностью Колесник позволил тащить себя за шиворот. Что это было? Ужас перед содеянным?.. Да! Но особенный, не детский ужас! Он был пойман не на шалости, а на... страшно вымолвить! И теперь он — враг! И ему нет прощения и нет пощады! Такое в Советском Союзе, во все его времена, каралось расстрельной мерой... Генами, что ли впитано у нас это чувство ужаса?!

Уже только на лестнице, когда мы стали спускаться на второй этаж, Колесник начал проситься:

— Дяденька!.. Отпустите!.. Я не буду больше... Я не хотел!.. Дя-яденька!..

Он даже не пытался вырваться. Только тихонько скулил, еле попевая за мной.

Вот и дверь кабинета завуча. Я распахнул ее и почти вбросил Колесника в кабинет. Павел Егорович, полный, лысеющий физик, с недоуменным лицом поднялся нам навстречу из-за стола.

— Вот! — прохрипел я, протягивая ему галстук. — Полюбуйтесь!

Павел Егорович взял галстук, непонимающе осмотрел его, хотел было положить его на стол, и тут только до него дошло, в чем дело. И я увидел, как он ... испугался. А вслед за ним испугался и я.

Пока в порыве праведного гнева я тащил Колесника к завучу, я совсем забыл, что этого заморыша придется наказывать! А как?!. Расстрелять, что ли?.. Мало того, за низкий уровень идеологического воспитания в школе кое-где по-выше могут сделать ба-альшие оргвыводы! А это уже куда опаснее... Все это мы молниеносно прочитали друг у друга в глазах. Несколько секунд длилось тягостное молчание. Наконец Павел Егорович начальственно кашлянул.

Колесник еще ниже опустил и так донельзя свешенную голову.

А я — отступил к двери.

— У меня урок, Павел Егорович.

— Да, да! Идите, — завуч бросил в мою сторону сердитый взгляд. Он понял, что я не стану ему помощником в разбирательстве этого безнадежного дела.

Я тихонько прикрыл дверь и побрел по пустынному коридору.

До календарного лета оставалось две недели.

До конца учебного года — и того меньше.

Скорее бы... в отпуск!..

1983 — 1989 г.г.

НА ПЕРЕГОВОРНОМ ПУНКТЕ

Погода была сырая, без снега — зима никак не могла развиться. Мокрый ветер противно дул в лицо. Все тело пронизывало холодом. Я был очень рад, когда дверь переговорного пункта маленького военного городка, куда я приехал по делам месяц назад, наконец захлопнулась за моей спиной.

Начинались сумерки. Потому лампочка, без плафона, была уже включена и тускло освещала небольшой, пыльный зал. Слева зеркалились две кабины. Посередине стоял круглый измазанный чернилами стол и несколько вокзальных скамеек. Напротив был барьер со стеклом, за которым сидела телефонистка в наушниках. На одной из скамеек ожидала вызова молодая женщина.

Я сделал заказ и сел напротив молодой женщины. Я знал ее. Она была замужем за прапорщиком. Жила здесь уже около года, нигде не работала, домохозяйничала. Как веселый анекдот я знал историю ее появления в городке. Она приехала утром, когда муж уже ушел на службу. Она не сообщила о своем приезде, и он ее не встретил. До самого вечера она просидела на чемодане под дверями гостиничного номера, где жил прапорщик, боясь отлучиться даже в туалет. Последнее передавалось полупшепотом и с подмигиванием, как соль всей истории. Вечерами они часто гуляли по городку. Прапорщик небрежно обнимал ее за плечи и всегда что-то нашептывал. Когда я их встречал, меня волновало выражение, с которым подернутые горячей влагой темные глаза косились в его сторону. Становилось почему-то тревожно за эту красивую, светившуюся откровенным счастьем женщину.

И вот теперь эта молодая женщина сидела передо мной, нахохлившись, как воробей на холоде, пряча глаза. На мой кивок она не ответила.

Прошло полчаса.

Меня стало клонить ко сну. Вдруг дремавшая телефонистка охрипшим со сна голосом произнесла:

— Да-да! Я слушаю!

Молодая женщина привстала и по-воробыиному насторожилась. Я тоже приподнялся. Телефонистка кашлянула, подняла на нас глаза и официальным тоном произнесла:

— Москва! Пройдите во вторую кабину.

Молодая женщина почти бегом направилась к кабинке. Я откинулся на спинку скамьи.

Телефонистка прищуренным взглядом проводила женщину, которая так торопилась, что забыла плотно закрыть за собой дверь, и мы услышали, как она громко закричала в трубку:

— Мама! Мама! Алло! Это ты? Мама! Это я, Леля! Мама! Слышишь меня? Приедь, хоть на ОДИН день, прошу тебя! Слышишь? Мне сейчас так плохо! Прошу тебя, приедь! Слышишь? Мамочка!

В голосе женщины зазвучали слезы. Она всхлипнула.

— Да-да! Мамочка! Только ты не волнуйся! Мама, я знаю, ты плачешь!.. Нет! Не надо! Нет!.. Слышишь! Мамочка! Я не знаю, что мне делать. Все ведь было так хорошо! Я ни в чем, поверь, не виновата! Он вдруг перестал со мной разговаривать! А вчера...пришел пьяный. А сегодня... сегодня сказал, что будет подавать на... развод. Мамочка! Родненькая! Прошу тебя, приедь! Хоть на ОДИН день! Мне сейчас так плохо! Прошу тебя! Мамочка...

Молодая женщина уже не всхлипывала. Она громко рыдала, захлебываясь слезами, и все просила, просила...

Прошло несколько тягостных минут. Наконец время разговора истекло. Молодая женщина, помедлив, повесила трубку и судорожно, со всхлипом, вздохнула. Выйдя из кабины, она тихо сказала в нашу сторону: «Извините», -и убежала из зала.

Телефонистка помолчала и вдруг громко и нараспев проговорила:

— Да-а! Вот до чего... любовь доводит!.. А ведь в обнимочку... ходили! Даже целовались на людях...

Я с удивлением посмотрел на телефонистку. Она раскачивалась на стуле и ее круглое лицо светилось вдохновением.

— Вот и долюби-ились!.. — нараспев дотянула она фразу и заговорщически подмигнула мне.

Я вздрогнул. Я становился свидетелем рождения версии произошедшего с молодой женщиной. Попросту говоря, сплетни! Завтра она с легкой руки... нет!.. языка телефонистки будет гулять по городку, обрастая домыслами и несуществующими подробностями. И в конце концов утвердится мнение или осуждающее или оправдывающее убежавшую в слезах из переговорного пункта женщину.

А сама она как?

Она останется — ОДНА!

Одна — со своей бедой!..

Я сказал, что хочу покурить и вышел на улицу. Уже совсем стемнело. В свете неоновых фонарей стремительно сыпал косыми струями первый снег. Он падал на блестящий, как антрацит, асфальт, образуя пушистый ковер, мягкий и скользкий. По нему убежала за угол цепочка маленьких следов. Я дошел до угла. Следы уходили дальше, теряясь в струях мокрого снега. Я снял перчатку, подставил ладонь Хлопья снега, садясь на ладонь, секунду отчаянно держались, потом таяли, превращаясь в маленькие, как слезинки, капли. Скоро вся моя ладонь стала мокрой от этих безутешных слезинок.

1979 — 1984 г.г.

СНЫ ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

(Фантазии на околотературные темы)

— Обсуждение открытого урока учительницы Веры Павловны —

Диалог учителей

— Чернышевский, я вам скажу, самый нудный, до слюнявости, писатель 19 века! И чтобы заставить учеников прочитать его роман «Что делать» — это, я вам скажу, о-оченно не просто!

— Точно!! Не зря его в программе оставили в чтении фрагментов!

— Ну зачем же вы так... Им же и Ленин, и другие восхищались...

— Во-во! Давайте сюда и политику приплетем... Мы же о литературе говорим!

— Ну не спорьте! Из программы он еще не исключен, значит надо изучать. И не всякому удастся этот роман подать ученикам! Вот суть или стержень нашего обсуждения урока Веры Павловны.

— Эт-то верно! Удастся это только нашей Верочке Павловне!

— Сам бог велел ей быть знатоком Чернышевского! Ха-ха!

— Ха-ха! Вера Павловна — героиня романа! И у нас — Вера Павловна, только учитель! Ирония судьбы!

— Ах, какой вы молодец, Вера Павловна! Я просидел весь урок, затаив дыхание!

— А какое мастерство! Этап урока о снах Веры Павловны, ВЕРОЧКА ПАВЛОВНА, ну, просто чу-удо!..

Учителя шумной толпой выходят из класса.
Вера Павловна остается одна.

Где-то за стеной, в другом классе, включается магнитофон и звучит романс на слова Тютчева «Как поздней осени порою...»

Вера Павловна устало опускается на стул и, закрыв глаза, слушает...

— *Из потока видений усталой женщины* —

Монолог учительницы Веры Павловны

«Я встретил вас, и все былое...» Боже! Привязалась же эта мелодия! И как тяжело с этими сумками подниматься по лестнице! Лифт, говорят, еще месяц не будет работать... Фу-у! Наконец-то, мой этаж, моя дверь... Где же ключи?! Слава богу! Вот они... Так! Дома еще никого нет! Прекрасно!.. Ну вот, как всегда! Вечная проблема моего семейства — все положить на свои места! Одежда — разбросана, учебники — не на месте, игрушки — тоже!... На зеркале... «Как поздней осени порою быва-ают дни...». А я еще вроде выгляжу и ничего-го!..Гм!.. Нет! Круги под глазами! Кру-ги-и! Ф-фу! «Какая гадость, какая гадость, эта ваша...!» Н-да! Нет! Прочь! Прочь от зер-ка-ла! «Карету мне! Карету!»... «...и все былое в отжившем сердце ожило... Я вспомнил-л... вре-мя, вре-мя золотое! И сердцу стало так ти-и-пло!..». Да-а! ..Тепло-тепло!.. Ах! «Мой дорогой и многоуважаемый...» плед! Пока никого из моих нет, почему бы мне не полежать?! Так сказать, отдохнуть! А что такое — «отдохнуть»? Это говорят — «по-ле-жать»! Полежать? Обломовщина!..

Не-ет! Как это, оказывается, приятно! Лечь и по-ле-жать! «...когда повеет вдруг весною и что-то встрепенется в нас...».

Вера Павловна блаженно вытягивается под пледом на диване в гостиной, закрывает глаза... и неожиданно засыпает.

Сон первый Веры Павловны

И снится Вере Павловне сон, будто «у подошвы горы, на окраине леса... среди цветущих кустарников, высоких густых аллей воздвигся дворец».

Вере Павловне эта картина показалась удивительно знакома. Она где-то видела... нет!, где-то уже читала... ее. Ба! Да это же строчки из четвертого сна Веры Павловны, ее тезки из романа Чернышевского! Неужели она теперь это все еще и видит?! А дворец и впрямь был прекрасен. Высокий, белый. Совсем белый, как у Снежной Королевы из сказки Андерсена. Но веяло от него не холодом, а теплом.

И вообще — было жарко! И солнце — в зените!

И Вере Павловне захотелось пить...

Она пошла к дворцу. Дорожка из желтого песка густой тенистой аллеей вывела ее к фонтану, похожему на гигантскую белую розу. Шум льющейся воды был тих и ласков. А вокруг фонтана Вера Павловна вдруг увидела... детей Много детей. Лет десяти-двенадцати. Одеты они были в длинные белые одежды.

«Совсем по Дудинцеву», — подумала Вера Павловна и остановилась. Ей почему-то стало страшно.

Дети стояли неподвижно и молча смотрели на нее. Загорелые лица их были строги и внимательны. В них не было суровости. Но им было невозможно лгать.

Несколько минут длилось молчание. Вера Павловна открыла было рот, чтобы нарушить становившуюся уже тягостной тишину. Но тут из дворца появился старик. Он был худ, загорел и совершенно сед. Одежда его была такой же, только отличалась цветом пояса: он был не белым, как у детей, а пурпурным. Старик подошел к Вере Павловне и сделал знак рукой. Дети образовали вокруг них плотное кольцо. Вера Павловна невольно внутренне напряглась. Старик воздел вверх руки и воскликнул:

— Эта женщина — великомученица! На колени перед ней, дети мои, в знак нашего искреннего уважения!

И маленькие фигурки в белых одеждах в единодушном порыве опустились перед ней на колени.

Веру Павловну бросило в жар. Она что, Жанна Д'Арк какая-то, что ли? И ей самой захотелось упасть на колени. Она даже представить себе не могла, как становится хорошо и немного стыдно от такого внимания к себе.

Но почему ее назвали великомученицей?

Вера Павловна закрыла глаза, а когда открыла...

Сон второй Веры Павловны

Вера Павловна и старик непонятным образом уже перенеслись в лес.

Задохнувшись от обрушившегося на нее аромата густых лесных запахов, Вера Павловна покачнулась. Старик тут же поддержал ее под локоть, чтобы она не села на бугор лесного муравейника, и отвел к маленькой полянке. Здесь Вера Павловна, бережно поддерживаемая сильной рукой, опустилась на траву, прикрыла глаза ладонью. Было восхитительно приятно вот так сидеть, просто сидеть и чувствовать (Боже мой! совсем забытое ощущение!..), чувствовать себя во власти этого первозданного мира. Не хотелось ни думать, ни созерцать, ни вставать...

Но рядом стоял старый человек и терпеливо ждал, когда она придет в себя. И Вера Павловна, неловко подворачивая путавшиеся в высокой траве ноги, начала подниматься. Вновь сильная рука бережно подхватила ее под локоть и помогла встать.

— Спасибо, — запыхавшись, прошептала Вера Павловна.

— Отдышись, сестра, отдышись! И не спеши! Нам недалеко идти!

— «Куда?», — хотела было спросить Вера Павловна, но сдержалась.

Это был сон. Плохого ничего не должно случиться. Если что, она сразу проснется. И потому ответила:

— Я — готова!

Старик повернулся и зашагал в сторону просеки в стене берез, окружавших поляну. Они вошли в лес. Мимо поплыли длинные белые стволы. Густые кроны искрились над их головами мириадами солнечных огоньков. Они и, правда, шли недолго. Лес кончился внезапно. Они стояли на краю огромного рва. Он уходил вглубь леса от них в обе стороны. Дно и стены у него были гладкими и желтыми.

— Что это? — спросила Вера Павловна.

— Это был когда-то канал.

— Почему в нем нет воды?

— Она ушла.

— Почему тогда канал не засыпали?

— Это невозможно.

— Почему?

— Земля уходит в стены канала, как вода.

— Почему?..

Старик вместо ответа протянул ей горсть земли. Вера Павловна вопросительно посмотрела на старика. Тот показал жестом, чтобы она бросила эту горсть земли в ров. Вера Павловна помедлила, потом бросила.

Земля с легким шуршанием упала на желтую стену канала и... растворилась в ней. А следом со дна канала к ним пришел легкий вздох.

— Что это? — немея от страха, спросила Вера Павловна. Старик внимательно посмотрел ей в глаза.

— В разные времена это объясняли по-разному...

— Богом?!

— Скорее памятью... Память есть не только у живых существ. Она у всего, что способно ощущать боль... Эта земля несет в себе боль памяти о тех, кто много лет назад почти руками рыл этот канал, и погиб, и был оставлен в его стенах...

— Так это...

— Ты правильно подумала. Это — он!

Вера Павловна опустилась на колени. Перед глазами возникла аллегорическая картина скромного театрального ху-

дожника Белова*, увиденная ею однажды в каком-то номере журнала «Огонек». Коробка знаменитых папирос, толпы людей, входящих в ее чрево, обгорелая спичка, упавшая на толпу...

Она вспомнила, с каким болезненным вниманием всматривалась в картину, словно могла увидеть в фигурках людей своего деда. О нем ей (еще маленькой девочке) глухо и как-то невнятно рассказала мать незадолго до смерти. Вспомнила и тихо заплакала. А старик воздел вверх руки и воскликнул:

— Великомученица! Быть Учителем и не сметь знать, не сметь говорить правду...

Легкий вздох со дна канала был ответом на его слова. У Веры Павловны померкло сознание...

Сон третий Веры Павловны

Приходит в себя Вера Павловна уже в огромном парке. Сильно болят виски и темя. Старика рядом нет. Вера Павловна трет лоб, прижимает пальцы к вискам. Боль не уходит. Тогда Вера Павловна смотрит вверх, на небо.

«Светлые, серебристые, золотистые, пурпуровые, прозрачные облака своими переливами слегка оттеняют по горизонту яркую лазурь; взошло солнце, радуется и радуется природа, льет свет и теплоту, аромат и песню, любовь и негу в грудь...»

Боже, опять строчки из романа Чернышевского! Как въелись они в ее память! Вера Павловна досадливо морщится, еще раз смотрит на небо и... улыбается.

Строчки удивительно соответствуют открывавшейся картине неба. «Радуется и радуется природа, льет свет и теплоту, аромат и песню, любовь и негу в грудь...», — вслух повторяет Вера Павловна последние строчки и, глубоко вздохнув, оглядывается.

Аллея из высоких лип, где она сидит на белой скамье, вся

* Картина А. Белова «Беломорканал».

установлена... колясками. Да, да! Детскими разноцветными ко-ляс-ка-ми! Вера Павловна не удивляется, а, наоборот, совсем по-детски, радуется. Ей больше не хочется никаких потрясений. Такая потребность порой удовлетворяется самым неожиданным образом. У Веры Павловны это происходит от созерцания детских колясок.

Проходит несколько минут. Головная боль утихает. На смену приходит легкое недоумение. Сколько времени прошло, а ни одной матери рядом с колясками так и не появилось!

Вера Павловна поднимается и на цыпочках подходит к ближайшей коляске. Она оказывается... пустой! Пустыми оказываются и другие коляски! Охваченная беспокойством, Вера Павловна уже собирается кричать, как вдруг видит идущего к ней из глубины аллеи старика. Он делает ей знак рукой идти за ним. В конце аллеи, уставленной пустыми колясками, Вера Павловна видит огромный стеклянный бассейн. А за его окнами, в прозрачной голубой воде, — множество молодых, красивых женщин с малышами-карапузами. Какое это было восхитительное зрелище! Вера Павловна замирает от восторга. Боже! Неужели такое возможно?! Она поворачивается к старику.

— Кто это?

— Это — матери!

— Но... почему они все здесь?

— Здесь не все. Другие или в лесу, или в горах, или на море — там, где считают, будет полезнее ее ребенку.

— И это... для них возможно?

— Конечно. У каждой свой взгляд на воспитание ребенка.

Потому каждая мать строит свой быт и быт ребенка сообразно этому взгляду.

— А как же... работа?

— Это их основная работа.

Вера Павловна прикрывает глаза ладонью. Ей даже во сне больно смотреть на эту ослепительную картину материнского счастья.

— Это — невозможно..., — шепчет она.

А старик поднимает вверх руки и восклицает:

— Великомученица! Быть матерью — и не иметь возможности всегда быть со своим ребенком, своей плотью, своим счастьем!

В ответ Вера Павловна тихонько плачет.

Сон четвертый Веры Павловны

От бассейна старик повел Веру Павловну в другую, кленовую аллею. Аллея вывела их к высокому стеклянному строению. Они вошли во внутрь.

Такое могло, конечно, только присниться! Широкие лестницы, огромные зеркала... и длинные ряды вешалок, стенов и прилавков со всевозможной женской одеждой и галантереей. Вера Павловна подивилась такому обилию и разнообразию вещей и обратилась к старику, который неотступно, как тень, следовал за ней на некотором расстоянии:

— Это выставка или что? И почему тут все только для женщин?

— Это не выставка. Здесь женщина создает свой внешний образ.

— Вы серьезно? А как?

— Как все женщины во все времена: одеждой, украшениями, косметикой. Вон кабины. Там зеркала. А здесь — все, что обычно требуется женщине...

— Но сколько ей за это приходится платить?

Старик не успел ответить. Из ближайшей кабины вышла женщина. Как она была — прекрасна! В ней все дышало покоем, негой и... силой! Это была мадонна, настоящая мадонна!

У Веры Павловны захватило дух. Она где-то уже видела такие лица! Но где? Где?... Постой... У Рафаэля! У его мадонн!.. Но это же невероятно...

Вера Павловна повернулась к старику.

— Куда идет эта женщина?
— Она идет к своим детям...

Пробуждение Веры Павловны

Вера Павловна просыпается так же мгновенно, как и заснула.

О, как она крепко и непростительно долго спала!... На лестнице уже слышатся голоса ее дочек-двойняшек Маши и Даши. Они возвращаются из школы с группы продленного дня. Значит, скоро придет и муж. Засоня несчастная!

Вера Павловна отбрасывает плед, бежит на кухню, торопливо зажигает газ, ставит чайник, бросается к холодильнику. Успеть бы приготовить еще что-нибудь и на ужин, прежде чем садиться за проверку тетрадей с контрольными диктантами 5-А класса... А еще и стирка...

— «О, великомученица!» — легким вздохом звучит в ее ушах.

Вера Павловна замирает. В памяти мелькают несбыточные картинки виденных снов. Глаза сами собой блаженно закрываются...

Но тут раздается щелчок открываемого замка. В кухню бегают две совершенно одинаковые розовощекие крепышки в школьной форме. Они с радостным визгом бросаются к Вере Павловне.

Сны окончательно забываются...

1987 — 1989 г.г.г.

В ГОСТЯХ

Была ранняя весна. Шел дождь. Мелкие капельки противно кололи лицо. Подошвы опасно скользили по раскисшей земле протоптанных дорожек. И только проклюнувшаяся травка радовалась дождю и ярко зеленела по их краям.

Сиверцев был сердит. Но сердит не на дождь и грязь, а на себя. Утром он встретил на улице бывшего одноклассника Генку. Они радостно похлопали друг друга по плечам, похотали, что-то вспоминая. И тут Генка сообщил, что «наши», то есть одноклассники, собираются у классной руководительницы Аграфены Прокофьевны. На вопрос «Придешь?», Сиверцев легкомысленно ответил «Да!». А теперь...

Сиверцев не взлюбил Аграфену Прокофьевну еще в пятом классе. Она вечно лезла с расспросами и моральями в душу! А его тошнило от них еще с детского сада, где мамка нянькой работала... На уроках Аграфены Прокофьевны (она была учителем языка и литературы) он, помнится, всегда играл в «морской бой». Специально. Чтобы не слушать. А когда в девятом классе на выпускном экзамене он получил за диктант долгожданное «три», то решил, что всякое общение с «руководилкой» у него навсегда закончилось. И вот теперь... И черт его дернул согласиться прийти! Хотя нет! В глубине души его всегда тянуло прийти на такую встречу класса с учительницей. Вот почему так легко согласился...

Вот и дом учительницы. Голубая веранда, голубые ставни, виноградник. Все, как три года назад, когда они были здесь всем классом после вручения свидетельств о неполном среднем образовании.

Сиверцев отворил калитку. Взошел на крыльцо. В доме уже слышались голоса, выкрики, смех. Сиверцев хотел было нажать кнопку звонка, но вдруг заколебался. Стало страшно, как однажды, еще в шестом классе, перед кабинетом директора, после первого в жизни недельного прогула...

Но кабинета не было. Была дверь и кнопка звонка. И была Аграфена Прокофьевна, встречи с которой Сиверцев в глуби-

не души боялся и хотел. Боялся, как бояться те, кто оказывается не прав и очень хочет оправдаться.

Тогда, три года назад, на этом крыльце, когда они, классом, уже уходили от Аграфены Прокофьевны, она подозвала его и тихонько, доверительно сказала:

— Сиверцев! Коленька! Думай хорошенько! В школе просидел ты гостем, а вот жизнь... жизнь так не пересидишь...

Сиверцев, честно говоря, не понял ее слов, но подспудно, доньшком сознания, уловил горький смысл предостережения, уловил и... отмахнулся, не стал вникать. Подумаешь, «руководилка»!.. А все вышло как-то... по ее словам. Гостем он был в школе, гостем просидел в «бурсе», гостем оказался и на заводе. Однажды под хорошим градусом встал в ночной смене к станку, плохо зажал деталь в шпинделе, та вылетела и чуть не убила сменщика. По малолетству с завода его не выгнали, перевели в разнорабочие. И чтобы как-то без тревог и забот дожить до армии, уволился с завода и перешел грузчиком на железнодорожные склады. Здесь в его жизнь никто нос не совал: пьян ты или с похмелья — всем по барабану! Главное — бери побольше, носи по-быстрому! Мать поворчала и заглохла. Ей забот хватало с маленькими: родным Сиверцеву брату и единокровной ему сестрой. Отчим вообще Сиверцева не замечал, отвечая взаимностью на его отношение к нему. Короче, все ждали, когда он уйдет в армию.

Сиверцев потоптался на месте, зачем-то стянул с головы влажную от дождя лыжную шапочку, сунул ее в карман. Войти или не входить в дом?.. В это время из-за угла выскочил парень с накинутой на плечи курткой и, пряча лицо от дождя, побежал к крыльцу. Увидев Сиверцева, он приостановился и воскликнул:

— Сивый! Ты?! Вот номер! А мы решили, что ты уже не придешь. Привет! Держи лапу! Ну, молодец!

— Привет, привет, Сысой!

— Ага! Помнишь клички! Привет, Сивый!

— Пр-ивет, Сысой!

Они потузили друг друга по бокам, пообнимались.

— Да что ж мы стоим? Давай! Мы уже час как собрались! Опаздываем, Сивый, опаздываем!

Сысоев (вспоминаете, откуда неумирающие школьные клички?) ухватил Сиверцева за рукав и потащил за собой. Они вошли в узкий коридор, заваленный обувью и верхней одеждой. Сысоев распахнул дверь в комнату и проорал:

— Леди и джентльмены! Сивый! Лично! Собственной персоной! Тоже — прибыл! Прошу, господа!

В комнате дружно и радостно заржали:

— Ур-ра! Сивый пришел!

— Сиверцев! Ну, ты даешь!

— Сивый! Ты че? Обурел? Почему опаздываешь?

— Опаздываешь, Сивый, опаздываешь! Генке за тебя стыдно!..

Какие-то с трудом узнаваемые девицы и парни влезли в коридор, стянули с него куртку, обувь, вытащили на середину комнаты и захороводили вокруг. Сиверцев улыбался, крутил головой, пытался что-то сказать, но ему не давали, тормошили и неустанно орали. Сиверцев почувствовал себя так легко и свободно, что вдруг успокоился и смело заискал глазами Аграфену Прокофьевну.

Она сидела на диване в дальнем углу комнаты и смотрела на него, улыбаясь. Сиверцев, наконец, вырвался из круга одноклассников и подошел к ней.

— Здравствуйте, Аграфена Прокофьевна.

— Здравствуй, Коленька, здравствуй! Очень рада тебя видеть! Тебя и не узнать! Впрочем, вас всех не узнать. Почему тебя не было видно так долго? Ты уезжал?

Сиверцев сел рядом с ней на краешек стула, потер ставшие вдруг влажными ладони.

— Нет. Не уезжал. Работал.

Избегая взгляда внимательных и ласковых глаз учительницы, Сиверцев неопределенно еще пожал и плечами. Мол, чего там говорить...

— А где, Коля? На заводе или нет?

Радужное настроение мгновенно улетучилось. На душе

стало неуютно. Что рассказать? Соврать? Или... Выручил Генка, ворвавшийся в комнату с фотоаппаратом.

— Готово! — крикнул он. — Прошу фотографироваться! О! Сивый! Пришел?! Привет!.. Аграфена Прокофьевна! Идите сюда! Сюда, к нам!..

Аграфена Прокофьевна тяжело поднялась. Сиверцев поразился. Как она сдала за эти годы! Как стала не похожа на ту жизнерадостную, деятельную учительницу, которая так досаждала ему своим дерганьем...

После фотографирования, которое прошло так же шумно и суматошно, все снова сели пить чай. Так как Сиверцев пришел позже, ему налили чай в литровую кружку и бухнули туда пять столовых ложек сахара. Тортика же Кларка — староста класса — отрезала малюсенький кусочек.

— Обьешься еще — спасай потом!

Фраза эта вызвала всеобщий хохот. Все хорошо помнили, как в седьмом классе Сиверцев на спор съел полторта во время новогоднего утренника и потом до самого его конца просидел в туалете — так расстроил желудок. Воспоминания посыпались одно за другим. Сиверцеву снова стало легко. Он был на равных со всеми, о нем все знали, ни о чем не спрашивали. И он стал смело посматривать на Аграфену Прокофьевну. Та улыбалась одними глазами и изредка, словно хвост в костер, подбрасывала в общий разговор реплики. Но вот воспоминания закончились. Пошли разговоры, кто, где и чем занимается. Сиверцев досадливо уткнулся в свою кружку и не поднимал глаз. Он уже несколько раз ловил на себе взгляд Аграфены Прокофьевны и знал, что она обязательно будет его спрашивать.

Этого не хотелось больше всего... Курить в комнате было нельзя. Несколько человек, накинув куртки и плащи, вышли на крыльцо. Сиверцев поспешил вслед за ними. Он молча курил и чувствовал, как злоба, которая начала закипать в груди еще в комнате на все эти разговоры о жизни, стала расти... Ему хотелось так же весело рассказывать о себе, беззаботно смеяться шуткам, серьезно рассуждать на всякие там темы...

И не мог.

Не умел!

Ничего не знал!

Ничего не имел!.. За душой!..

Гость он здесь!

Просто гость!..

Деланно улыбаясь, Сиверцев глубоко затягивался дымом, мучительно ловил момент, когда сможет вступить в разговор. Но сигареты догорели и были выброшены. Все ушли в дом. Сиверцев остался один. Дождь уже перестал идти. Дорожки блестели как слюда.

Входить или не входить?

Там были его одноклассники, была его учительница, а он... а он был гостем.

И хотя было понятно, что злиться надо на самого себя, Сиверцев не мог удержаться. Почему им весело, уютно? Почему они любят друг друга? А он... а ему, значит, нет места в их жизни?!

Больно! Хочется кричать, бить, рвать! Всех! Всех! Пьют чай, жрут торты... и довольны собой! Однокласснички! Бл...! С-суки!

Сиверцев вытащил из кармана шапочку, напялил на голову. За калиткой еще раз обернулся на освещенные окна. И вдруг злоба, черной пеной кипевшая в нем, прихлынула к горлу, и, задохнувшись ею, он схватил валявшийся на земле обломок кирпича и изо всех сил, с наслаждением, запустил в крайнее окно. С ужасом глядя на медленно опадавшие звонкие осколки стекла и замаячившие в окнах встревоженные тени одноклассников, Сиверцев отступил от забора и побежал.

Он бежал, ничего не слыша и не видя. Бешено колотилось сердце. Легкие судорожно хватали воздух. Но он не останавливался. Он гнал и гнал себя все дальше и дальше. Точно пытался убежать от чувства стыда и пустоты, которые неумолимо настигали его.

1980 — 1997 г.г.

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

На разломах истории и от оскалов людского озлобления, вызванного этим разломом, тускнеет в душах людских самое простое и вечное — сочувствие к ближнему.

Я не был голодным. Не были голодными и немощные мои старики-родители. Изголодавшимся было у них желание съесть пару-другую вареников с творогом. Эти вареники превратились для них когда-то в яркий символ обеденного изобилия и стали тающей дымкой прежних ощущений в дотлевающем костре их жизни в настоящем.

А я — ничем, ничем не мог им помочь!

Кефиром разводят муку в клейкое тесто. Сахар и соль добавляют по вкусу. Но превратить эту массу в голыш, вязкий на зубах, сытный на вкус, плотный на ощупь, могут только яичный желток и белок.

Яиц в магазинах не было.

Нигде. Ни одного.

Напрочь униженный такой невозможностью купить несчастную пару яиц, чтобы вбить их в тесто для сотворения десятка вареников, шел я злой на весь белый свет по последнему из обойденных магазинов к столику для покупок. Бутылка кефира, буханка хлеба, горсть творога в целлофановом мешочке — вот и все, что смог я вырвать из чрева витрин.

Печально булькнула сотрясаемая бутылка с кефиром. Надсадно зашуршала по дну сумки буханка хлеба. Завизжал замок молнии, открывая пасть сумки, чтобы глотнуть пакетик с творогом.

Рядом со мной у столика остановилась бабка в сизом от древности шерстяном платке и черной стеганой фуфайке. Толстыми, в пергаментных морщинах, коричневыми пальцами она стала увязывать такую же старую, клеенчатую, с веревочными ручками сумку. Глаза ее прятались под безбровым основанием лба. Вылезшие из-под туго завязанного платка щеки и опущенные уголки губ были угрюмы и неподвижны.

— С базара! Торговка!.. Домой идет! Зашла скупиться... по дешевке, — мелькнуло в голове.

Из-под куска материи, неловко запиханной по краям бабкиной сумки, вдруг выглянули глянцеватые бока яиц.

— Бабуля! Где яйца взяли? На базаре? — в моем голосе почему-то неожиданно и резко прозвучала враждебность.

Бабка глянула на меня исподлобья выцветшими глазками.

— Может продадите? Два... Две штуки... Матери на вареники надо! — ляпнул последнее просто так, зная, что зря.

Но уже ляпнул.

И не стал ждать ответа.

Пакетик с творогом нырнул в чрево сумки. Замок молнии взвизгнул, закрывая его.

— Бери, — два белых шарика привычно легли в сложенную ковшиком ладонь и поплыли в мою сторону.

— Вы что, серьезно? Тогда... сколько с меня?

— Нискоко. Бери.

— Но ведь... Что, совсем не надо?!

— Не нада. Бери, бери.

И не запели трубы! И не запели хоры! И не закружились в воздухе архангелы, славя бессмертье человеческих начал в душах людских!

Я осторожно нес в ладони, согнутой ковшиком, два хрупких шарика. И было чуть неловко за нелепую позу. И было стыдно в мыслях за взятую милостыню. И теплело в уголках глаз от невольных слез. И губы сами собой шептали слова покаяния и восхищения. Все-таки не исчезают, все-таки живут в людях доверчивость к сказанному и сочувствие к увиденному! Дороже золота казались мне эти два белых хрупких шарика. А где-то там, на дне души, уже тем временем разгоралось раздумье. На разломах истории и при оскалах людского озлобления долготерпелива душа человека, у которого корни со своим прошлым и со своими истоками не прервалась. А что будет, если они прервутся?..

1987 г.

90-ЫЕ ГОДЫ

В городе появился комфортабельный заграничный таксобус. Прислали его по льготной разрядке из области. А вот льготный бесплатный проезд, как на других автобусах, городские власти сразу отменили. Для всех категорий. Кроме одной — участников боевых действий в Великой Отечественной войне 41-45 годов. Чья-то мудрая чиновничья голова рассудила: таксобус даст хороший доход без льготников, но, чтобы заткнуть рот жалобщикам и не получить нагоняй от области, сохранить надо именно такую льготную категорию: их в живых практически уже никого не осталось, а публичная акция повсеместной заботы о престарелых ветеранах даже такого плана может принести на будущих выборах в городской «парламент» еще и политические дивиденды.

Я ехал этим таксобусом почти до конечной загородной остановки. Кондукторша, яркая брюнетка с повадками районного управленца: ни боже мой в разрез с линией вышестоящих лиц и похабность в обращении с нижестоящими, — глазам не поверила, когда увидела, что на заднюю площадку таксобуса влезает какая-то бомжеподобная чета стариков. Как бык на красную тряпицу, ринулась она к ним от своего места у кабины водителя.:

— Пра-езд а-апла-чиваемый!!

Старушка, уже хлопотливо топтавшаяся у свободных сидений, приостановилась. Старик привычно развернулся на крик, сдернул рукавицу, расстегнул две верхние разнокалиберные пуговицы зимнего пальто и неторопливо извлек из глубины внутреннего кармана две совершенно новенькие, с золотыми тиснениями, фиолетовые книжечки. Чета была участниками **БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ!**

Ярче прожектора осияли кондукторшу-законницу цвет и золотые теснения книжечек. Поморгав неряшливо крашеными ресничками, мол, ну надо же! обманулась! кондукторша степенно развернулась и двинулась обратно к своему месту.

Чета стариков неторопливо разместились рядом со мной, через проход.

Одеты они были, надо сказать, убого. Вытертые до полной потери окраса пальто. Потерявшие форму и ставшие чем-то средним между городской меховой шапкой и старинным крестьянским малахаем головные уборы. Клеенчатые базарные сумки, требовавшие, по большому счету утилизации, были возрождены к использованию благодаря хитроумным веревочным перевязям.

Но за этой убожеством мне увиделась потаенная непреклонность обстоятельствам. Вевочный такелаж на сумках выглядел очень надежным. Набойки на каблуках аккуратно вычищенной и еще крепкой зимней обуви были явно самодельными, но добротными. Пуговицы, хоть и разнокалиберные, до единой на своих местах. А на голенище сапога у старушки я заметил профессионально сработанную заплату. Одним словом, обыкновение даже в нищете не унижаться до рваньи и лохмотьев было у этой четы тверже любых обстоятельств. Бог мой!.. Какой основательностью и внутренней силой, наверное, отличались эти старики в молодости...

Мой взгляд, видимо, потревожил их. Старушка незаметно толкнула старика в бок. Он, как филин, повернул ко мне плоское белое лицо. Круглые бесцветные глаза жестко царапнули иголками зрачков. Бескровная щель между губами, свернутыми временем в нить, стала невидимой. Так выглядит человек, не принимающий никаких условностей. Я поспешил отвернуться. Таксобус плавно катил уже за городом. Чета стариков сидела прямо и отрешенно, не переговариваясь, терпеливо ожидая свою остановку.

Мне было скоро выходить, и я направился к выходу на переднюю дверь. Кондукторша лениво принимала билеты от готовившихся к выходу. Скоро эти билеты перекочат в руки следующих пассажиров и станут материальными дивидендами кондукторши и всех её подельников.

Я оглянулся на стариков. А какие дивиденды получили в своей жизни они? Только моральные, в виде фиолетовой

книжечки участника боевых действий, давшей право на этот бесплатный проезд и ничего на достойную старость?

Моя рука с билетом описав полукруг, нырнула в карман курки. Кондукторша скривила рот и громко «фекнула». Я ухмыльнулся в ответ и сошел по ступенькам на тротуар.

Таксобус тронулся. За проплывающим мимо окном я увидел повернутые в мою сторону лица участников боевых действий. Наши глаза встретились. Старик мне вдруг подмигнул, а старушка махнула рукой в штопаной рукавичке. Они знали цену поступку, не унижающему совесть.

Мне стало почему-то и стыдно, и приятно. Я ведь совсем не такой. Но все-таки заслужил их уважение. Это важно понять и помнить, если не хочешь собирать себе на жизнь милостыню проездными билетами. Следующая остановка таксобуса, я знал, была конечной.

1996 г.

Я ОТВЕЧАЮ...

Трое девятиклассников, парень и две девушки, избили свою одноклассницу в городском парке.

Ход разбирательства был кратким. С учениками провели профилактические беседы в школе и милиции. Их родители заплатили какой-то мизерный штраф. И на этом бы все и закончилось. Но родители пострадавшей написали письмо в редакцию местной газеты с жалобой на несправедливое решение дела.

Редактор вызвал Бориса, попросил тщательно изучить перипетию ЧП и подготовить или статью, или ответное письмо.

— Если дело того... — редактор неопределенно повертел пальцем в воздухе, — то лучше, конечно, вообще ничего не писать, Короче, так. Собери материал и приноси ко мне. Обмозгуем. Даю три дня.

Редактору не очень нравились чисто криминальные хроники. Лучше что-то вроде очерка на нравственную тему. И он посоветовал Борису начать с посещения жертвы, а потом нападавших.

Борис собрал материал за два дня. Но нести редактору не торопился. Факты существовали как-то сами по себе, «до кучи» не собирались. Не хватало стержня. Бродя по городу в творческих раздумьях, Борис зашел в пивной бар. Мокрые стертые ступени привели его к узкому входу в полуподвальное помещение, заставленное высокими столами. Несмотря на довольно ранний час, в баре былолюдно. Голоса, выкрики, смех, стук бокалов о столики и друг о друга, шарканье ног сливались в плотный шум. Воздух был густо пропитан запахами пива, аммиака и копченой рыбы. У Бориса засосало под ложечкой от предвкушения горьковатой пивной влаги.

Отстояв короткую очередь, Борис поставил на свободный столик у окна два рыжих бокала с белыми ободками пены и тарелку с тремя кусками рыбы. Неторопливо схлебывая живительную горьковатую жидкость, прожевывая глянцево-

кусочки соленой до невозможности рыбы, Борис начал перебирать в памяти все свои визиты за эти два дня.

Вначале он, как и советовал редактор, поехал к жертве по адресу на конверте письма, пришедшего в редакцию. Дверь ему открыла стройненькая, подтянутая, как балерина, девочка, одетая в простенький, но аккуратный халатик. Борис невольно залюбовался нежным овалом ее смуглого лица в рамке черных прямых волос. Губы у девочки были толстые («Негритянские», — подумал Борис), что совсем не портило, а наоборот, придавало лицу приятную глазу неординарность.

— «Наверное для нее губы предмет тайных переживаний, а для тонкогубых одноклассниц — черной зависти», — отметил для себя Борис, с галантным полупоклоном представляясь.

Девочка, к его легкому разочарованию, несколько не смутилась. Она отступила в сторону и кивнула, приглашая войти в квартиру. В маленькой, со вкусом обставленной прихожей Борис повесил плащ на вешалку в виде лосиных рогов, сунул ноги в предложенные шлепанцы и прошел в большую комнату, наверное, гостиную. Стол-тумбочка, сервант, телевизор, старинный в резных стеклянных дверцах книжный шкаф — все блестело свежей полировкой. Пять стульев с мягкими спинками были аккуратно расставлены по свободным углам и простенкам. Стандартных кресел и мебельной стенки не было. Был еще огромный диван с журнальной тумбочкой и два пуфика. Чистота в комнате была как в операционной.

Борис почувствовал, что невольно робеет. Он присел на край предложенного стула и вытащил блокнот. Девочка села на диван, подогнув под себя ноги.

— Итак, — Борис мельком глянул в блокнот. — Света! Твои родители прислали к нам в редакцию письмо... Да, кстати, а где они?

— В театре.

— Да?...Ну, что ж...

Такое начало беседы почему-то обескуражило Бориса.

Судя по письму, авторы его представлялись эдакими квадратными, крепкими обывателями, вставшими на защиту своего домашнего уютного мирка и своего чада — этаким худой нескладной доходяги. А тут... И Борис не нашел ничего лучшего, как ляпнуть:

— Света! А почему тебя избили твои одноклассники?

Девочка потемнела лицом и поджала свои толстые губы.

— «Н-ну медведь!»...— сердясь на себя и не смея больше что-либо говорить, Борис почти физически ощущал, как больно может хлестнуть неловкое или глупое слово.

Приняв тупое молчание корреспондента за настойчивость и неумолимость репортера, девочка нехотя выдавила из себя:

— Они ... мстили мне.

— Да?! За что?

— За ... парня.

— Ты ему чем-то ...насолила?

— Не ему. Им.

— Кому «им»?

— Кто бил.

— Они не хотели, чтобы ты встречалась с этим парнем?

— Да.

— Имели на него «виды»?

— Наверно.

— Ну что ж, теперь все понятно.

Сумрачные глаза девочки вдруг насмешливо блеснули. Борис уловил этот блеск и насторожился. Он сфальшивил? Похоже. Борис сунул блокнот в карман и поудобнее сел на стуле.

— Итак, ты — влюблена?!

Брови девочки полезли вверх.

— А вам какое дело?

— Прямое! В письме твои родители изобразили тебя жертвой. А жертвы — твои одноклассники! Ты спровоцировала их, на... такой поступок. Спровоцировала!

Девочка ошеломленно посмотрела на него и вдруг закры-

ла лицо руками. Послышался всхлип. Борис про себя хмыкнул. Вот так! Хотя и жестоко, но действительно. Теперь не будет односложных вопросов и ответов! Широкие рукава халатика от неловких движений рук сползли к локтям, и Борис увидел, что запястья девочки все в черных больших подкожных точках и грубых царапинах. Кошка? Но кошки в доме явно нет. И тут Борис вспомнил подчеркнутую строчку в письме. Подчеркнуты были слова «садистское избиение дочери». И смутная догадка шевельнулась в его душе.

— Света! Извини меня, пожалуйста. Не плачь. Я не хотел тебя обидеть. Скажи, пожалуйста, что это у тебя с руками?

— Колючая... проволока. Руки мне ею связали. Когда... били...

Рассказ Светы оказался прост как всякая любовная история. Она начала встречаться с парнем из параллельного класса. Его звали Сергей. До этого он встречался с Лилей из ее класса и дружил еще с Олей и Денисом, тоже из ее класса. Лиля, ревнуя, стала требовать, чтобы Света бросила встречаться с Сергеем. Света отказалась. И тогда все трое, Лиля, Оля и Денис (парень, явно, за компанию, а может и как ударная сила), подстергли ее, когда она шла на дискотеку, затащили в городской парк и...

С этого момента банальная любовная история стала больше походить на криминальную. Одноклассники связали Светлане руки куском колючей проволоки (ее, оказывается, принес Денис), Лиля и Оля для начала поугрожали, а потом, разгорячась, стали бить. Причем били (все трое били!) по губам (чтобы не целовалась!), а палкой (били девчонки!) — по связанным колючей проволокой рукам (чтобы не обнималась!)...

От боли и унижений Света потеряла сознание. А, когда очнулась, первое, что увидела, была больничная палата и плачущая мать, бледный отец и незнакомый человек в милицейской форме...

Борис ушел из дома Светланы полный гневных мыслей и чувств. Ну и сюжетец! Уголовщина настоящая! Криминал!

А девиц и этого... Архимеда пыточных наук... им же только пальчиком погрозили! Ведь надо такое придумать?! Руки связать колючей проволокой... На следующее утро Борис поехал в школу.

Директор, коротконогий, в очках и лысый, поморщился, выслушав Бориса. Видно, об этой истории в школе старались не вспоминать. Но любезно согласился оказать содействие газете и попросил секретаря, длинноногую смазливую девицу, вызвать в кабинет «участников инцидента», Борис едко про себя отметил, как официально и безлико вышло у директора это — «участников инцидента»!

Через несколько минут в кабинет вошли две девочки в коротеньких юбочках и ярких блузках. Одна была темненькая, с черными, блестящими, как вытертые сливы, глазами. Другая была светленькая, с цветущим румянцем на обеих щеках. Темненькая назвалась Лилей, светленькая — Олей. Минуту спустя в кабинет стремительно вошла миловидная маленькая женщина с красиво уложенными волосами и ручкой в руках. Директор облегченно вздохнул и представил ее как классного руководителя этих двух девочек.

— А где Светлана? — спохватился он.

— Она уже не у нас. Перешла в другую школу. Вы же помните.

— Да-да! Помню. Гм... А Денис?

— Его нет сегодня в школе.

— Вот как! Ну что ж... Не буду вам мешать, Борис Иванович. Беседуйте. У меня урок. Алла Васильевна! После уроков зайдите ко мне в кабинет. Вы мне будете нужны!

— Хорошо, Владимир Григорьевич.

Директор вышел. Девочки чинно сели на краешки стульев и покаянно опустили головы. Алла Васильевна заняла место директора и приняла позу непробиваемого жалобами администратора.

— «Будто заранее отрепетировали позы и жесты», — отметил Борис и почувствовал растущие в душе раздражение и неприязнь.

— Вы знаете по какому поводу я пришел в школу, — сухо начал Борис. — Поэтому сразу, девочки, вопрос к вам, или просьба, как хотите. Расскажите, что произошло между вами и вашей БЫВШЕЙ (Борис умышленно выделил это слово) одноклассницей в известный вам вечер в известном вам городском парке?

Ручка в руках Аллы Васильевны ожила и стукнула по столу. Девочки еще ниже опустили головы и вдруг почти одновременно всхлипнули. Крашенные ногти учительницы одобрительно забарабанили по настольному стеклу.

Так! Все ясно! Борис демонстративно закинул ногу на ногу и как можно язвительнее хмыкнул.

— Я что-то не то спросил? Может, ничего не было? И вы с ней просто беседовали? С розами. Из колючей проволоки...

Девочки вздрогнули. Оля втянула голову в плечи и прикрыла ладошкой рот. Лиля подняла на Бориса глаза. Они были... сухими. Но стремительно расширились от нахлынувшего страха.

Борис оказался врагом. Врагом жестоким и беспощадным. Разученная поза раскаяния не сработала. Угрожающая ирония вопросов Бориса протаранила их защиту как картон.

И тут явилась на помощь Алла Васильевна.

— Извините! Напомните, как вас зовут?

— Борис Иванович.

— Из-звините, Борис Иванович! Я бы хотела с вами поговорить! Но без девочек!

Борис взглянул на Лилю и Олю и поразился. Они снова чинно сидели в прежних позах, никакого раскаяния уже не было в их фигурах. Лица были спокойны и даже безмятежны. Наваждение да и только! Захотелось протереть глаза!

Алла Васильевна, не дожидаясь согласия Бориса, повелительно взмахнула крашеными пальчиками, и девочки поспешно поднялись, придерживая коротенькие полы своих юбочек. Борис молчал, не зная как быть.

Уже в дверях Лиля украдкой бросила в его сторону взгляд

своих блестящих, как вытертая слива, глаз. В них было... любопытство. К нему! Как к мужчине! Сильному и грубому самцу!.. Тонкая бровь поднялась при этом игриво вверх. Дверь бесшумно затворилась. Борис, ошарашенный такими метаморфозами в поведении «девочек», не успел первым начать разговор. И Алла Васильевна этим воспользовалась, ловко перехватив инициативу.

— Борис Иванович! Мне кажется, что вы хотите получить отрицательное мнение о Лиле, Оле и Денисе. Чтобы, так сказать, все в инциденте стало на свои места, и зло оказалось наказанным! Не правда ли?!

Утвердительно ответить нельзя, хотя и хотелось. Очень уж все было ясным в оценке поступка этих «девочек»! Но могут обвинить в субъективизме!.. И Борис неопределенно пожал плечами.

— Так вот! Я должна огорчить вас! Это — славные, добрые и очень хорошие дети! Да-да! Я полностью отвечаю за свои слова! Слышите? Я — отвечаю!.. Вот Оля, например! В классе добрее ее никого не найдете. У нее даже прозвище «Добрячка». Всех опекает, всем помогает! Или вот Лиля! У нее мама очень больна, месяцами лежит в больнице. Так вот она и за няньку младшему брату, и за хозяйку в доме! И в школе ей цены нет! И художник, и танцует, и вожатая — настоящая гордость школы!..

От обилия слов Алла Васильевна, переводя дыхание, поперхнулась и на секунду остановилась. И тогда Борис тихо и очень вежливо спросил:

— Скажите, пожалуйста! Все-таки! Как же так получилось, что эти «славные, добрые и очень хорошие детки» связали руки Светлане, и не чем-нибудь, а колючей проволокой?.. И били по этим связанным рукам?!.. Пал-ка-ми?!.. А?..

Лицо Аллы Васильевны пошло пятнами.

— Света...знаете...жила в классе обособленно...не активно! Мы с ней не раз беседовали! Она была какая-то слишком взрослая... Дети не могут с ней общаться! Они не любят ее за гордость и... слишком явную независимость.

Алла Васильевна теперь уже выгораживала, явно, себя. Борису больше в школе делать было нечего. Оставалось узнать домашние адреса инициаторов инцидента. Классный руководитель охотно назвала их и с явным облегчением распрощалась с Борисом. Борису вспомнилась игриво поднятая бровь, и он в первую очередь поехал к Лиле.

Дверь ему открыл высокий, смуглый, атлетически сложенный мужик в спортивных штанах и борцовской майке. Голова его уже была порядком облысевшей, но богатая поросль густо кустилась на руках, плечах и груди. Черные, блестящие, как вытертые сливы, глаза смотрели туповато и выжидательно. Пускать в дом Бориса он явно не собирался, и тому пришлось объясняться, стоя на придверном коврике.

— В общем так! — сказал мужик, когда Борис замолчал. — Я — Лилин отец! И-и не знаю, кто такая Света! Понял?!.. И знать не хочу... А, может, она воровка?! И дети ее просто наказали! Да-да! За свои слова — я отвечаю... Лилия ходила к жене в больницу (она сейчас лежит в больнице — болеет!..) и что-то нехорошее, гарантирую!, об этой девице матери говорила... А я — ВЕРЮ своей дочери!.. И пусть вначале разберутся, кто такая Света!.. И не сдирают штраф!.. Не доводят детей до истерики... Вот!.. И вообще...

Тирада могла бы продолжаться и дальше, но что-то загремело на кухне, словно уронили крышку от кастрюли, и кто-то вычурно и выразительно ругнулся. Мужик пугливо глянул через плечо поспешил округлить беседу с этим дотошным журналистом.

— Все! Кранты! Будьте здоровы!.. — и захлопнул дверь.

Борис скорчил глумливую гримасу и отвесил полупоклон закрытой двери. Голос был явно женский. Ну и фрукт! Жена в больнице... Верит дочери, которая матери все рассказала!.. А он за ее слова — ОТВЕЧА-АЕТ!..

Борис улыбнулся, вспоминая эту двусмысленно сценку, допил пиво из первого бокала и перелил в него пиво из второго. Черт его знает, как соединить увиденное и услышанное за эти два дня в стройный сюжет? Любовный треугольник...

ПРОПОВЕДЬ

1.

колючая проволока... агрессивная позиция школы и Лилиного отца... Олиных и Дениса родителей он дома не застал. Но позиция их вряд ли бы шла в разрез с позицией опрошенных... Жаль, что с Сергеем, с предметом этого «жаркого» дела, он не догадался встретиться...

Внимание Бориса вдруг привлек небритый мужичок в длиннополом пиджаке с отвислыми карманами и в потерявшей всякую форму шляпе. Мужичок тыкался от столика к столику. Посетителей, повыше и поздоровее его, он пытался обнять за плечи, подыграть им. Поменьше или помельче, нахально хлопал по плечам и просил мелочь на пиво. Наконец он кому-то надоел, и ему что-то пообещали.

Мужичок сразу взъерепенился и зашелся в истошном визге:

— Ты че, падла? Ты каму эта гаваришь?.. А?! Да я ж тя... Слышь... Я ж счас тя... Я... я ж за сибя... НЕ ОТВЕЧАЮ!

Десятки глаз устремились в сторону оравшего. Он же, кособочась и тряся головой, комично наставил на обидчика сухие и черные от грязи кулачки.

По бару прокатился хохот. Никто серьезно не воспринимал пьянчужку. А Борису в его облике почудилось что-то очень знакомое. Мужичок словно был защищен от всего нежелательного для своей жизни имиджем «пьяницы», с которого и взятки, как говорят, гладки... Вон как орет, что за себя «не отвечает!»... И они там, в школе, тоже ни за что не отвечали! Они были под защитой взрослых от нежелательного общения с ним, Борисом... От общения с законами морали... с совестью, наконец!.. Пораженный этой простой до гениальности мыслью, Борис чуть не уронил бокал.

Вот она, стержневая мысль его очерка!

Вокруг продолжали смеяться.

Пьянчужка, еще больше распаясь от безнаказанности, уже стучал кулачком по столу.

— Ты, падла!.. Слышь?.. Я ЗА СИБЯ НЕ ОТВЕЧАЮ!.. Слышь?.. Яй и убить могу...

1991 — 1998 г.г.

В лагерь летнего отдыха, размещенный в школе одного приморского городка на юге Украины, приехали американцы-проповедники.

Половина детей в лагере — интернатовские. Худенькие, коротко остриженные, в мешковатых, напыленных чужими руками одеждах, они отличались неприкаянностью (словно и вместе, но все равно — каждый сам по себе) и жадностью к зрелищам. Их, видимо, потому и собрали перед помостом для встречи с американцами.

Американцев было четверо. Ведущий — высокий улыбчивый очкарик в красной рубашке и с приятным для слуха акцентом. Белокурый остролицый парень — гитарист. Лысый толстяк в очках и фиолетовой майке. Женщина-инвалид в брюках, сидевшая в складывающейся коляске. Пятой была переводчица. Стоя на помосте, как на маленьком островке, окруженном толпой притихшей детворы, американцы повели необычный разговор о Христе.

2.

Сначала ведущий был краток и скупен, говорил собравшимся привычные слова о любви к ближнему, о спасении души. Дети их хорошо знали, и потому скоро перестали слушать. Усилился шум. Но вот после очкарика остролицый парень заиграл на гитаре. Американцы слаженно и мелодично запели. И внимание детей сразу обострилось.

Музыка во все времена сопутствовала церковной службе. Она — и созывала. Она — и утешала. Она — и заглушала крик жертвы. Ей всегда приписывались магические свойства. Она придавала службе стройность и последовательность. Но самое главное, если она была талантливой, — она не фальшивила! Нигде и ни в чем!

В пении американцы оказались такими. Это и протянуло незримую связующую нить между американцами и детьми, которую не заметили стоявшие позади них взрослые.

— Посмотрите! Дети не слушают!

— Они разговаривают... Фу-у! Как некрасиво!

— Да им дела нет до этих слов о боге!

— Они далеки от этого...

— Конечно, далеки. Ведь внимание к божьему слову прививается в семье!

— А у них!! Сиротство, опекуновство, безотцовщина!..

— Американцы зря стараются!

3.

После пения заговорил лысый толстяк в фиолетовой майке. Он рассказывал на своем языке о том, как пришел к вере в Христа. Говорил короткими фразами, заученно, но искренне. Переводчица точно доносила все нюансы интонации и обороты фраз толстяка, которые, как маленькие колокола, зазвучали в ушах и сознании окружавших помост людей. Внешне реакция детей оставалась прежней. Они переговаривались, толкались, смеялись. Но американцы, видимо, хорошо знали законы воздействия на слушателей. После толстяка к краю помоста выехала женщина в коляске и заговорила по-русски, почти без акцента:

— Ребята! Вы услышали слово о сыне божьем. **КАЖДЫЙ** из вас проникся его любовью. Христос — это любовь! Любовь — истинная! И **КАЖДЫЙ** из вас (и кто верит в него, и кто не верит) может сказать себе: «Я люблю свою мать. Я люблю своего отца, брата и сестру. Моя любовь — искренняя». Вы должны знать, что Христос любит вас. Он любит ваших близких. Его любовь, как и ваша, — **ИСКРЕННЯЯ!** Если человек искренен, ему легко познать истину. И поэтому я прошу вас сделать вместе со мною следующее, но сделать это — искренне! Кто верит в Иисуса, сложите ладони вот так (она показала). А кто не верит, может этого не делать. А

теперь повторяйте следом за мной со всей искренностью, а кто не может вслух, повторяйте в своем сердце слова нашей общей молитвы. Итак, сложите ладони и закройте глаза!

И, о чудо! Десятки детских ладошек послушно поднялись в молитвенном жесте. Возрастом постарше сделали это, правда, неуверенно и смущенно. Но глаза закрыли все.

— Иисус наш Христос, благослови меня...

— Иисус наш Христос, благослови меня, — пронесся над площадью нестройный хор голосов.

— Благослови эту землю, на которой этот лагерь...

— Благослови это море, которое дает мне здоровье...

— Благослови всех людей, которые заботятся обо мне...

— Воспитателей...

— Работников кухни...

— Директора...

— Его заместителя...

— Дай здоровья мне и моим друзьям...

— Защити и спаси от лукавых мыслей...

— Ты веришь в меня...

— **Я МОГУ БЫТЬ ЛУЧШЕ!!!**

— Дай мне сил творить добро и противостоять злу...

— Аминь.

Последнее слово импровизированной общей молитвы было произнесено детьми пугающе искренне.

Так быстро прониклись верой в Христа? Или это было что-то другое, для нас, взрослых, неосознаваемое?

4.

После общей молитвы американцы раздали маленькие брошюры «Путь к богу» и красные книжечки со стихами об Иисусе разных авторов.

Был шум, гам, насадный крик ведущего, что всем хватит. Расстались дети и американцы довольные друг другом. Одни, что получили подарки. Другие, что их так приняли.

Американцы уехали. То там, то здесь виднелись фигурки

детей, листающих подаренные книжки. Искренно ли они верили в то, что им говорили и к чему призывали? Мысль эта думалась неотступно.

Я присел на скамью. Возле меня остановилась коротко стриженная смуглая девочка в интернатовском платице. Почесывая большим пальцем босой ноги левую лодыжку, она, нарочно не глядя на меня, начала старательно, хотя и запинаясь, читать стихотворение из красной книжечки.

В родной школе по чтению у нее «три»! Она знает, что у нее, как говорят взрослые, «нет мозгов»! Она знает, что учиться она всегда будет плохо! Она давно и прочно усвоила это. Но вот ей впервые сказали, что ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ! И она, в наивной хитрости проверить, так ли это, останавливается возле меня и читает стихи об Иисусе Христе. Голос ее крепнет, речь становится плавной.

Это удивляет меня, и я хвалю ее.

Мои слова звучат неожиданно искренно. Я знаю, что я не прав в этой искренности. Но все равно, почему-то — верю... своим словам!

Знание и вера вступают во мне в противоречие.

Что их примирит? Не знаю. Покажет время.

Уже стемнело. На крыльце воспитатели громко и тревожно зазывали своих питомцев готовиться ко сну. Девочка убежала, довольно подпрыгивая.

А я остался сидеть на скамье и глядеть на разгоравшуюся в небе вечернюю звезду.

1995 — 2002 г.г

РОМИК

Вот, как сейчас помню, как это было. Хотя уже пять лет прошло. Жара в то лето стояла невероятная. Пятница была. Я раненько утром выскочил из квартиры, чтобы в киоск за газировкой сбежать. Днем же не побежишь, в самое пекло! А то не одну, а две придется бутылки покупать... И тут в кустах сирени у подъезда бутылку пустую из-под нужной мне газировки увидел. Во! Платить за стоимость бутылки не надо будет! И полез в кусты. А тут подъездная дверь стукнула. Я оглянулся.

На пороге нашей пятиэтажной хрущевки появился высокий парень. Короткая стрижка, большой подбородок бритвой не царапанный, угловатые плечи и длинные кисти рук, чуть сутулая спина. Акселерат, любой скажет! Физический рост достиг у него пика, после которого начинается лепка будущей внешности. Обычно такие пацаны, вырастая, в будущем лет на тридцать-сорок, как в зону, уходят в заводскую сферу.

Это мой сосед Ромка. Совсем недавно еще он был голосистым и шустрым пацаненком, звеневшим во дворе с утра до вечера в компании таких же сверстников. Мать его (отца я видел редко, он был дальнобойщиком) вечно маячила в кухонном окне, наблюдая за сыном и происходящим во дворе. Её призыв «Ро-омик!» стал как бы отличительным знаком нашего двора.

Как-то так получилось, что вырос Ромка быстро и незаметно. Чужие дети, это всегда так, растут быстро! Истина нехитрая! Но выросло в Ромке и что-то еще, неплохое. Отец к тому времени от них уже ушел к другой женщине. Звонкий голосок Ромки огрубел и стал напоминать надтреснутый старый квартирный звонок, однообразный и фальшивый. Таким тоном он говорил и с матерью, и с соседями, и со сверстниками. Водился же большей частью с какими-то пришлыми личностями, появлявшимися во дворе и исчезающими быстро и незаметно после тихих бесед с Ромкой где-нибудь в кустах подальше от материнских глаз...

Еще рано, сверстники его все спят. Каникулы ведь!

А он уже вышел на улицу.

С чего бы это?

И я присел.

Внешне Ромка выглядел как обычно. Вот только глаза, как маятники, равномерно и холодно, ходили из стороны в сторону. Будто сделал он что-то нехорошее, а теперь деру готовился дать.

Он что, мать убил? Я похолодел от такой дурацкой мысли. Но год назад в соседнем дворе такой случай был, правда по пьяне! Там мать тоже на сына орала с утра до вечера, как в последнее время стала и Ромкина. Ромка хоть периодически огрызался, но из дому, как обычно в таких случаях раньше бывало, не убегал. Может уже достала в конце концов и...

Я отогнал прочь чудовищную мысль! Не может Ромка такого сделать! Между тем Ромка вытащил из кармана пачку сигарет, длинными пальцами пианиста (хотя не умел играть даже на гитаре) выудил сигарету, бросил в угол рта. Зажигалка фирмы «Зиппо», мечта всех пацанов со двора, обладателем которой был благодаря матери только он, щелкнула, как давший осечку пистолет. Дрогнувший кончик сигареты, заалевший трепетным огоньком, выдал Ромкино волнение. Не оглядываясь на окна, он пошел по дорожке со двора твердым и уверенным шагом.

Когда его сутулая спина, обтянутая на лопатках белоснежной футболкой, скрылась за углом соседнего дома, в кухонном окне за стеклом появилась мать. Появилась странно, не из глубины квартиры, а из-под подоконника, словно сидела на стуле и встала посмотреть. Но я знал, стул там никогда не стоял. Покачнувшись, Ромкина мать сначала ткнулась лбом в стекло, широко открытыми глазами обшаривая двор, потом откинула голову назад, закатывая глаза. На секунду замерла, и опустилась вниз, словно садясь на тот самый стул, с которого только что встала.

Но я знал, что стула там никогда не было. Неужели поставила?!

Хотя произошедшее на моих глазах и было странным, но не было из ряда вон выходящим. И я ничего не заподозрив, поднял бутылку, выбрался из кустов и побежал в киоск. А зря! Вечером соседка по этажу, не достучавшись в дверь Ромкиной квартиры, подняла шум. Дверь, после долгих споров, взломали. И нашли Ромкину мать сидевшей на полу у батареи водяного отопления мертвой. Сердечная недостаточность! Ее могли бы спасти вовремя принятые сердечные капли или валидол. Но домашняя аптечка в виде маленького деревянного ящичка была пуста, хотя стояла открытой на столе.

Тело увезли в морг. Ромка не появился дома ни в тот вечер, ни на следующий день. Появился только в день похорон, организованных соседями, в наручниках и в сопровождении милиционера.

Весь двор молча наблюдал, как угловатая фигура, неловко путаясь телом в длинных скованных железом руках, вылезет из милицейского «Уазика», идет, кособочась, к подъезду, от которого, не оглядываясь, Ромка ушел девять дней назад. Он и теперь не желал смотреть! Но когда идешь лицом, а не спиной к тому, чего не хотелось бы видеть, спрятать глаза трудно.

Люди жадно ждали развития событий, чтобы вечером их с жаром обсудить на кухнях. Но особого ничего и не случилось. Ромка, не дойдя до подъезда, засучил руками, дернул левой ногой, еще больше ссутулился и что-то тихо сказал милиционеру. Тот поднял бровь, громко хмыкнул и оборвал:

— Так что ж ты голову морочил?

Потом взял Ромку под локоть и повел обратно к «Уазик». Дверь захлопнулась, машина фыркнула душливой серой струей и покатила со двора. В зарешеченных окнах его никто не увидел. Не видно его было и никто о нем ничего не знал еще последующие пять лет. Жаркие пересуды постепенно свелись к общему знаменателю: Ромка ушел из дому, поругавшись с матерью; у той схватило сердце и не

отпустило; Ромка в свое отсутствие что-то где-то натворил и попал в милицию; а на похоронах не захотел или побоялся с матерью проститься.

Этим летом я затеял ремонт в квартире. Менял обои, красил окна. Вставал очень рано, и потому первым увидел из окна Ромку, вошедшего во двор после пятилетнего отсутствия.

Он почти не изменился. Та же короткая стрижка, большой подбородок, длинные кисти руки, чуть сутулая спина. Вот только плечи стали намного шире. На нем была модная серая футболка без рукавов. На правом плече татуировка.

Ромка дошел до подъезда, остановился и посмотрел на окна квартиры, где когда-то жил с матерью. В советские времена эту квартиру давно бы уже кому-нибудь отдали. Но она была вовремя приватизирована, причем после смерти Ромкиной матери приезжал отец и что-то еще дооформил в жилищной конторе и у нотариуса. Квартира с тех пор пустовала.

Ромка огляделся, сунул руку в карман джинсов и вытащил ключ. Я опрометью бросился от окна, схватил ведро с мусором и побежал на лестничную клетку. С Ромкой я столкнулся у подъездных дверей. Он так и не поднялся к дверям своей квартиры, все стоял с ключом в руках.

— Ромик?! — я сделал удивленное лицо.

Щека у Ромки дернулась. Он сунул руку с ключом обратно в карман, печально и досадливо посмотрел мне в глаза.

— Я.

— Тебя и не узнать! — соврал я

Ромка криво усмехнулся.

— Ты к... себе? — я кивнул головой в сторону лестничной площадки с его квартирой.

— Да.

— Там никто не живет. Отец твой приходил, что-то оформил. Она до сих пор пустует. Кое-кто тут чуть пупок не надорвал от злости, так хотел ее заполнить!

Ромка неопределенно пожал плечами.

— А ты... откуда, Ромик?

Ромка печально усмехнулся.

— Оттуда.

— Из тюрьмы?!

— Из зоны, — поправил он меня.

Я потоптался на месте, лихорадочно соображая, что еще можно, хоть внешне, деликатно спросить. Ромка опередил меня.

— Вы, дядь Толь, не говорите никому, что меня видели. Я подымусь в квартиру на пять минут. Мне нужно кое-что забрать. И уйду. Хорошо?

Я сделал определенный жест правой рукой в знак своего железного молчания. Ромка как-то странно растянул уголки губ в кривой ухмылке, выпятив свой большой подбородок. Я суетливо, чтобы впечатление о моем заверении не попало под сомнение, отступил в сторону, перехватил ведро и сделал пригласительный жест уже левой рукой. Мол, вперед, Ромик, никаких проблем!

Смотался я на помойку с ведром мусора в три раза быстрее, чем обычно. По занавеске на кухонном окне, впервые за пять лет отдернутой в сторону, и открытой форточке я понял, что Ромка еще в квартире. Я поставил пустое ведро на крыльцо напротив подъездной двери и уселся рядом на скамейку.

Ждать пришлось недолго. Скоро форточка захлопнулась, занавеска задернулась, стукнула квартирная дверь, а через несколько секунд распахнулась и подъездная. На порог шагнул и остановился Ромка.

Я невольно залюбовался им. Внешность вылеплена строго по Шварцнейгеру! Точно такая короткая стрижка, гладко выбритый подбородок, квадратные плечи, цепкие пальцы длинных кистей и широченная спина! Замысловатые наколки на плече и на пальцах ясно указывают, что парень из зоны.

Ромка окидывает взглядом двор, потом внимательно смотрит на меня:

— Дядь Толь! А она ... мать умерла у кухонного стола?

Я мгновенно соображаю, о чем он хочет узнать.

— Да, Ромик, она смотрела тебе вслед, когда ты... ну тогда...помнишь?! уходил! Пять лет назад! Я это... сам видел... понимаешь...

Ромка болезненно морщится, трет шею под кадыком и вдруг выдавливает из себя то, о чем никто, наверное никогда не знал все это время.

— Я собирался на одно... дело. В первый раз. Нужно было рано встать. Она... мать еще лежала в постели. Ей в последние дни нездоровилось. Я уже у двери был, когда она крикнула, чтобы я достал ящичек с лекарствами. Я снял его с полки и бросил на кухонный стол. Она снова крикнула, чтобы я достал валидол. Я... и так волновался! А тут она... Я крикнул: «Сама достанешь!» и ушел. А она...

— А она, Ромик, пришла на кухню к ящичку, а он — пустой! Без валидола! Она так возле батареи сидя и умерла. От сердечной недостаточности. Врачи сказали!..

Ромка сдавленно откашливается.

Удивительно было наблюдать, как корежили мои слова здорового парня, прошедшего в зоне не один круг ада!

— Я, дядь Толь, там, на подоконнике, валидол положил.

Сказав это, Ромка переступил через стоявшее перед ним ведро и быстро зашагал со двора .

Я покачал головой.

Лучше поздно, чем никогда? Это, парень, теперь уже не проходит. Опоздал ты. Навсегда опоздал!

Ромка скрылся за углом дома, когда стукнула подъездная дверь и на пороге объявился мой сосед по площадке и вместо приветствия спросил:

— Шо, Ромик тут щас был?

— Был.

— Во подлец! Шо, совесть, видать, замучила, и грехи отмолить приехал!

На моих глазах общий знаменатель дворового мнения об этой истории пополнялся новой строкой. Мне предстояло на

скамейных посиделках подгонять его под свой свидетельский ракурс. Но я еще был к этому не готов, и потому на яростную тираду соседа только неопределенно пожал плечами.

1999 — 2003 год

АНСАМБЛЬ

Кувалдой ювелирного изделия не сделать. Эту истину я не стану подтверждать рассказом о драгоценных камнях и минералах, золотых цепях и кулонах, подвесках и браслетах. Я буду говорить... о танцах.

Но сначала маленькое отступление. В далекие-предалекие времена, когда золото и драгоценные камни значили для человека не больше, чем, ну скажем, придорожный камень, люди уже тогда стремились выразить себя. Плавающий костер, берег реки, широкий майдан, скалистый утес — это были места, где человек осязал свое «Я». Плавные движения руками, ритмичные выпады ногами, характерные вариации голосом — это были способы, которыми человек выражал свое «Я» и сущность своей жизни. Так рождались народная песня, народные танцы, народные сказки. Первое и последнее можно пересказать, повторить, наконец, записать. А вот танец... Кто серьезно относится к народным танцам, знает, что умение их танцевать передается человеку... генами от предков! И даже тот, кому, как говорят, медведь на ухо и ногу наступил, может затанцевать. Только для этого нужно разбудить в себе осязание своего «Я» в русле сущности того народа, к которому ты принадлежишь по рождению или даже проживанию. Не верите?

В нашем институтском ансамбле народного танца была вечеринка по случаю начала «римских каникул» — так называется у танцоров короткий летний перерыв в репетициях и концертах, если не проводятся гастролы. В репетиционный зал из студенческого клуба притащили и поставили в один угол дискотечную стереосистему со всеми прибабасами: цветомузыкой, шумовыми и дымовыми эффектами. В другом углу девочки сотворили подобие шведского стола: несколько видов бутербродов на подносах, фрукты в мисках, конфеты в тарелках из столовой и напитки из свежих ягод и кипяченой воды в трехлитровых банках. Под столом в сумке

спрятали от зоркого глаза институтского начальства несколько бутылок сухого вина. На дверях поставили двух амбалов из физкультурного факультета, стеснительных и верных поклонников женской половины ансамбля. Такая предосторожность была не излишней. Любителей сунуться надурняк развлечься в институте всегда было предостаточно.

Вечеринка началась с традиционного тоста: «За ноги и душу! Чтоб связки не рвались! Чтоб всегда лилось и никогда не кончалось!!» Для несведущих, конечно, тост звучал двусмысленной тарабарщиной. Но для танцора он был яснее таблицы умножения. Танцевать нужно — с душой, на крыльях неподвластного хмуриости настроения. И тогда успех выступления будет прогнозируемым. Он всегда нужен танцору! Ибо, зачем тогда — танцевать?

После тоста и легкого перекуса занялись включением стереосистемы. Сначала, перепугав всех, из-под колонок повалил дым. Когда выяснилось, что это просто один из спецэффектов, стали дальше колдовать над тумблерами и кнопками. Колонки перестали пускать дым и зашипели. Шип сменился свистом, а затем бравурными звуками модного шлягера. Цветные лампочки так и не включились. Но никто не огорчился. Танцевать это не мешало. Поначалу задвигались немногие из танцоров. Большинство просто бродило по залу, выходило в коридор, громко смеялись, переговаривались с зеваками, потихоньку стекавшимися со всего огромного институтского здания поглазеть на неожиданное зрелище в разгар сессии.

Скоро зевак стало совсем много. Амбалам становилось все труднее сдерживать напор. А когда появились завсегдашние, прослышавшие о халявной дискотеке, совсем стало невмочь. Те поперли так, что внесли в зал и самих амбалов, а следом и всех толпившихся перед залом зевак. В центре зала тут же образовался, весь вихляясь, плотный круг каких-то полупьяных гогочущих патлатых юнцов и вульгарно раскрашенных девиц. Пульт стереосистемы окружили грозного вида несколько парней с явным намерением крутить только «свою» музыку.

Танцоры ансамбля, опешившие от такого нахальства, отошли к шведским столам и угрюмо уставились на вторгшуюся орду. Кое-кто из горячих голов хотел было уже полезть на них с кулаками, но девчонки резонно остановили их. Драка не поможет, тем более что и зрители явно были на стороне танцевавших. Мол, ну когда еще представится возможность нос утереть этим институтским звездам, как не сейчас! Пусть стоят и смотрят. И мы умеем не хуже!..

Прошло минут двадцать. Шлягеры ставились один за другим. Убийственный своим однообразием ритм и неотрывное внимание зрителей вскоре утомили и самих танцующих. Один за другим, не в такт, фальшивя уже не только ногами, но и руками, они стали превращаться в просто раздерганных манекенов, отчаянно изображавших веселье.

Ритм народного танца, рожденный образом повседневной трудовой жизни, условиями проживания, а отсюда сложившимися на протяжении веков традициями самовыражения, никогда не сфальшивит. Он, как маленький стерженек, удерживает человека в рамках его этнического «Я». Пластика, подкрепленная таким ритмом, делает человека красивым. Не банально крикливым как при визуальном созерцании на подиуме, а гармонично естественным, что ненарочитой силой струится от человека мощным потоком в любой ситуации.

Это и проявилось в тот момент, когда на смену вконец завихлявшимся юнцам и девицам на середину круга вышли танцоры ансамбля.

Движения, с которыми они вплелись в ритм музыки шлягера, поначалу, казалось, ничем не отличались от предыдущих. Тот же обезьяний изгиб тел, те же лианообразные движения рук. Но что-то мешало назвать все это вульгарным. Некий магнетизм присутствовал в мелькании рук, движении ног, наклонах тел и голов! Магнетизм яркого индивидуального самовыражения!

Заданные осколочным ритмом поп-музыки рамки соответствующих движений скоро стали тесными для танцоров. Палитра движений у них была намного богаче. В квадратах,

овалах, воронках колебательного контура поп-движений вдруг возникли хороводные ручейки, кадильные пары, трюковые куски. Сначала они появлялись как блики фотоаппарата, а потом сплошным, ярким карнавальным потоком залили весь танцевальный круг. Зрители, ошеломленные хлынувшей на них красотой, стояли, как вкопанные. Никто и не пытался включиться в эту сказочную феерию движений, затмивших убожество музыки.

Я вгляделся в лица стоявших.

В ком осознание своего «Я» было связано с народными корнями, у тех лица постепенно светлели. В ком нет, у тех — темнели.

И, о чудо! Скоро первые стали потихоньку вливаться в круг. Сначала несмело, с приглядкой, а потом все бодрее и бодрее. И вот уже стало невозможным отличить, где танцоры, где новички!

Скоро из зала исчезли любители шлягеров, сменилась музыка.

А вечеринка, ставшая более похожей на летний праздник Ивана Купалы, продлилась чуть ли не до глубокой ночи.

1998 — 2003 г.г.

А ЖИТЬ?!

Ну что за жизнь настала! Мне нужно было добраться из Кировограда до Харькова. По давней студенческой привычке, как это было в советские семидесятые годы, решил поехать вечерним автобусом. Но не досмотрел каких-то изменений в расписании, которые произошли в нынешние независимые девяностые, и поехал не в ту сторону. Пришлось спешно высадиться на автобусной станции в Знаменке, чтобы пересесть на поезд Херсон — Харьков.

Знаменский железнодорожный вокзал находился как раз напротив автобусной станции. Я поднялся по его широкой лестнице к тяжелым входным дверям. Чтобы открыть их, пришлось здорово поднапрячься, чтобы растянуть пружину толщиной в руку. У билетной кассы никого не было. Кассир без лишних вопросов выписала мне плацкартный билет. Я спрятал его во внутренний карман куртки и вышел на перрон определиться, где остановится вагон, и покурить. Ровные гранитные плиты, резкий свет фонарей, огромные окна вокзала придавали некий «парадиз» торжественному моменту приезда или отъезда пассажиров. А из темноты, словно фон этой парадной жизни, доносились короткие свистки, лязг буферов, хриплый рык двигателей локомотивов, скрежет колес о рельсы. Там жил своей ночной жизнью некий монстр — узловая станция железной дороги. В ее существовании чудилось что-то вечное и однозначно правильное по сравнению с моим зыбким пребыванием на этом пространстве. Как сказала бы моя незабвенная бабушка Зина из деревни Красная Каменка, на душе стало «моторошно». Захотелось поскорее сесть в поезд, увидеть живые лица. Но пришлось еще почти два часа просидеть в пустом зале ожидания.

Тепловоз, медленно и неотвратно, словно одноглазый циклоп, заполз в пространство пассажирского вокзала, волоча за собой гибкую змею пассажирских вагонов. Мой седь-

мой вагон остановился как раз напротив меня. Ха! Угадал правильно! И, довольный собой, выбросил десятый окурочок уже под колеса вагона, а не в урну.

Пожилая проводница, посверкав ровным рядом металлических зубов на мое «Наконец-то!», пропустила меня в тамбур и тут же с лязгом захлопнула тяжеленную вагонную дверь.

В вагоне оказалось всего 5-6 человек. Я расположился в пустом купе, вытащил бутылку пива «Рогань». Ехать было 9 часов. Конечно, можно было бы взять постель. Но это же лишняя бутылка пива! А в своем вояже в Харьков в средствах я был весьма ограничен! Так что кимарнуть лучше в походном положении, кулак под голову. Проводница не возражала, ей было все равно. Посверкав металлическими зубами на мои объяснения, она ушла к себе. Поезд тронулся, заползая в темноту. Тусклый свет в вагоне не позволял читать. И я задремал.

Проснулся я от бряка сумкой о сиденье. Напротив меня уселся круглый, как сдоба, коротко стриженный, розоволицый парень. Ослабив в улыбке крупные зубы, он осведомился:

— Не помишаю? Скушно одному сидеть. Ты, бачу, пивом балываешься. А самогонку пьешь?

Самогонки я не хотел. Дремота так разморила, что я и слова не мог сказать. и потому только покачал головой.

— А я пью! И имею! Еще и огурцы, и сало павлыськое есть! А? Давай!

Я прищурился и снова качнул головой, но спросил:

— Откуда сало павлышское?

— Да я сам с Павлыша! А тута, в Александрии, это... в гостях у тетки был. Теперь в Харьков еду. На заработки. Блин! На станции, у Користовке, 3 часа прождал поезда. Автобус с Александрии до станции только до двенадцати ночи ходит.

— А что, в Павлыше у вас работы нет?

— Э! У Павлыше теперь ничего нет! От смотри! Дед мой и батька в колхозе всю жизнь работали. И все было у нас! Все справно! Дед еще пасеку держал. Медом торгувал. Хороша

была пасека! Я там каждое лето деду помогал. И мед качал. На медогонке. Бочка такая, унутри соты хрестом выставляются. Крутишь ручку уверху, соты тоже, як космонавты крутятся по кругу на этой... центрифуге, кажится! Мед на стенки из сот летит, стекает униз, потом у желоб и до посудины! Красота! А як у хатыни пахнет! На улицу не выйдешь! Бджоли со всей округи слетятяся!

Я в знак понимания покивал головой.

— От! А батя у меня механизатором был. Добре работал, бо не пил. Болячка у него такая была. Алкоголя организма не принимала. Бащка потом болела страшно. А у дворе было две коровы, индыки, гуси, куры...Эх! Все пощезло! Главное, корма так подорожали, что мамка только курей теперь держать может! Работы в Павлыше совсем не стало. Батька маялся, маялся без дела, да и поехал на заработки в Россию. Видно, хорошо устроился, стал деньги присылать. Правда теперь уже реже. Видать, скрутно стало с работой. А может и молодуху нашел! А нам как с мамкой жить?. В Павлыше ведь ниякой нет! Колхоза нет! Фермеры тутешные сами на ладан дышают! Стал я мотаться усюды, работу искать. В Александрии, у тетки, пожил трошки, работы нет. Вот и порешил у Харьков, к брату двоюродному, тетки сыну, ехать.

Я с сомнением покачал головой

— Во-во! И я не верю! Ну да шо делать? Надо же как-то жить!.. Вот и еду!.. Може со мной все же квакнешь? Не хочешь? И я не буду!

Мы помолчали. Парень поерзал, хотел было продолжить разговор, но я поспешил закрыть глаза и притвориться спящим.

Минут через сорок проводница прошла по вагону и объявила, что следующая станция — Павлыш. Парень ожил, прилип к окну, пытаясь в темноте разглядеть знакомые места. За стеклом проплывали только точки одиночных фонарных столбов. Парень крякнул и вернулся на свое место.

— Не буду выходить. Поеду прямо в Харьков. Мамке я говорил, она знает. Чего тут шукать? — озвучил он свои

давние мысли и даже не глянул в окно, когда поезд остановился.

Лязгнула дверь вагона. Кто-то влез в тамбур, переговариваясь с проводницей и матеря багаж, не пролезавший по проходу. Павлышанин не выдержал, выглянул из купе. Вошедший, увидев его, окликнул:

— Земеля! Помоги затащить эти тюки. За-астрял!

Парень с готовностью поспешил к нему на помощь.

Я тоже выглянул. Долговязый парень в шапочке и ветровке передавал павлышанину огромный тюк.

— Тю! Так он легкий!

— Да там же барахло одежное. Может сюда под сидение захватить?

— До нас, до нас давай! А эти два?

— Да они небольшие! Можна на полки...

— Тоже до нас!

Я проехал задницей по своей полке к окну. Почти сразу на освобожденное мною пространство плюхнулись две сумки, которые затем улетели на верхние полки. Долговязый и павлышанин, довольные друг другом, уселись лицом к лицу, секунду-другую помолчали. Долговязый затем по-хозяйски огляделся, кивнул нам:

— До Харькова?

На наши ответные кивки радостно отвечивал:

— И я туда же! Барахло из Кременчуга на Барабашовский рынок везу. Там точка у меня. Торгую на ней. Выживать же надо! Вот и мотаюсь. Где дешевле? Где дороже? Где спрос? На что спрос? Голова пухнет, а кошелек почти нет! И ноги начали от такой гонки болеть. Детей (их у меня аж трое!) не вижу неделями. И женка! Вроде довольна, что копейку несу, и недовольна, бо, як вдова соломенная. Когда же жить? Такие вот дела!

Павлышанин, полный сочувствия и сопереживания, хлопнул ладонями по полке и начал свою историю. Фаза дорожной встречи вошла в пик взаимного узнавания.

Я не очень жаждал в ней участвовать и закрыл глаза. Но

скоро пришлось открыть. В купе появились гости. Это были два пожилых дядьки. Услышав из нашего купе оживленный говор, они, как бабочки на свет, пришли из разных концов вагона на разговор. Одного, рыхлого, бледного, в светлой рубашке на выпуск и галстук на резинке, павлышанин, привстав, радостно-почтительно поприветствовал. Это оказался учитель из Павлыша. Он сел в вагон вместе с долговязым. Другой, маленький, сухонький, сел в вагон немного ранее, в Лекаревке. Оба тоже ехали в Харьков.

После обмена ознакомительными фразами разговор, по праву педагога, продолжил учитель. Обстоятельно отсморгавшись в большой носовой платок, он заговорил неспешно, округло и внушительно:

— Разговор о жизни можно на всякий лад повернуть. И как жить, если не за что, и когда жить, если труд в каторгу круглосуточную превращается. Но вот избежать одного важного пункта при этом никак нельзя: зачем так жить? Ведь правда? Вот-вот! И наглядным примером могу привести свою педагогическую жизнь. Вот Владимир, я у вас историю преподавал. Что я говорил о войне с фашистской Германией? Только о том, что в учебнике было. А я ведь намного больше тогда знал! Материала собрал о войне в этих местах на два краеведческих музея! Но тогда, при Союзе, рассказывать все было нельзя. Сразу — на Соловки! А сейчас? Кому это нужно в такие вот разбродные времена?

— Ну почему же не нужно? Знать все надо! — резонно заметил павлышанин, привстав с лавки для убедительности своих слов. И подбодренный учитель продолжил.

— Ну вот примером, возьмем время, когда Украину в 1944 году от немцев освобождают начали. Тогда, на Кировоградшине, из местных в Красную Армию сразу мобилизовали сотни две мужчин. Мобилизовать то мобилизовали, а оружия не дали. Мол, сами в бою добывайте, вину искупайте, за то что в оккупации были... Лишних расстрельных команд не понадобилось! С десятков мобилизованных из этих двух сотен в живых осталось. Или вот на Черкащине забрали в ар-

мию человек 800, которые до войны или проходили военные сборы, или служили. Их, не разбираясь, артиллерист кто или пехотинец, по разным частям распахали и через неделю в бой. Одного пехотинца, мне рассказывали, который в жизни пушки не видел, на поле боя командир батареи, как симулянта, расстрелял! Мог я такое, Владимир, вам рассказать? Не мог! Не было этого в программе по истории! А в моей памяти, а на моей совести? Каково мне было молчать?!..

Учитель так разволновался, что не стал продолжать, вытащил платок, дрожащей рукой стал вытирать лоб и шею. Все понимающе помолчали.

Мужичок из Лекаревки, все это время молчавший, вдруг словно просиял изнутри.

— Я, это! и у меня такая же хрень случилась в 44-ом. Учитель правду говорит! Когда немцев прогнали, мне токо 17 годков стукнуло. Но меня, это! отседова, с Лекаревки, в Армейский запасной стрелковый полк под Полтаву все одно отправили. Народу там согнали — тьму! Построили, помню, всех, и политрук перед строем объявил, што будут среди нас беспощадно вражеские элементы отсеивать. Сеять ничего не сеяли, пять дней газеты читали да страшали, что мы все, кто под немцем был, предатели и должны искупить вину кровью. А потом вызвали человек 200, и меня с ними, вечером из строя, погрузили на грузовики и повезли в сторону заката солнца, на фронт. Гимнастерок нам не дали, только шинели поверх нашей же одёжи напялили, и те рваные и кровавые. Мне еще и с петлицами досталась.

Везут нас дорогами лесными, а уже слышно грохот все громче. Выехали мы на большую поляну-галявину. Впереди, у самого леса, три сарая с соломенными крышами. Старший нашей команды, майор, на них указал, мол, привал там сделаем. Только подъехали, а из-за тех сараев вдруг танки немецкие, штук пять выползли, окружили и давай нас и машины наши гусеницами давить! Страх господний! Машины, люди — в кровавое месиво! Кто живой из-под гусениц выскочил, автоматчики следом подошедшие кого застрелят,

кого к сараям отгонят! Я и гусениц избежал, и пули, и к сараю пинками был отогнан.

Скоро танки, дело свое страшное сделав, остановились. Сами черные, с гусеницами красными от крови, в лохмотьях мяса людского. Танкисты, тоже все в черном, повылазили на башни, равнодушные, курить стали.

А нас, человек тридцать, в живых оставшихся, строить стали. Майора, у которого обе руки плетью висели, и сержанта, правый бок шинели которого набух кровью, из строя сразу вывели. Высокий фельдфебель к ним подошел, шаркая короткими сапогами, и вдруг на чистом русском языке рявкнул:

— Шо, командиры сраные, людишек на убой привели, а сами еще живы?

Руку с пистолетом вперед вытянул и пулю сержанту в лоб влепил. Майор на это, серый от боли, просипел:

— С-сволочь! Пре-едатель! Стреляй!! За Родину! За Стали...

И рухнул рядом с сержантом тоже с дыркой в голове.

Фельдфебель к нам повернулся, не спеша подошел.

— Кто из Саратова? Есть такие?

Все молчали. А он снова:

— Шо? Языки проглотили? М-мать вашу! Или политруков боитесь? А из хохлов есть кто? Или все хохлы? Ты откуда?

Пистолетом тыкнул в грудь мужику в рубашке домашней и пилотке.

— Я-я! Я з-под Полтавы...

— Дурак! Активист колхозный?

— Не-е! Мобилизованный я!

— Все равно, дурак! А ты?

Так он дошел до меня, глянул на петлицы, и, как зверюга, рыкнул:

— Шо, падла! Думал спрятаться?

Схватил меня за ворот шинели, из строя выволок.

— А ну, к ним шагай! Щаз рядом лягишь!

И курком: шелк!

Идти до убиенных майора и сержанта мне было шагов десять. Я сделал первый шаг, и во мне вдруг внутренний крик прозвучал громче залпа пушек:

— А жить!

Я второй шаг сделал. И еще громче в уши изнутри ударило:

— А жи-ить!!

А после третьего шага меня совсем оглушило:

— А жи-и-ить!!!

Земля плывет под ногами. Тела майора и сержанта приближаются все быстрее и быстрее. Сейчас в спину или затылок — пуля... Но тут из-за сараев легковой автомобиль выехал, а в нем три офицера. Один, старший, наверное, поднялся и громко окликнул фельдфебеля.

Тут у меня глаза будто на затылок переехали — все вижу. Как офицер снова сел, как фельдфебель пистолет в кобуру сунул, рысью к автомобилю побежал.

— Beutezoldatenen? — громко так спрашивает старший. Это по ихнему «трофейные солдаты» значит

— Javol, herr oberst!

Тогда старший что-то тихо приказал, фельдфебель руку вверх выбросил, повернулся и к нам назад побежал.

— А ну, падлы, двигай к сараю! И ты, активист, давай тоже! Бы-ыстрей!

Зрение сразу вернулось на свое место, а сердце теплой волной обдало. Жив! В сарай нас загнали, как овец, прикладами. Все повалились на груды сена, раскиданного по полу. Никому ни до кого не было дела. Каждый переживал возвращение к жизни, забыв, что каждого или всех вместе могут в любую минуту прихлопнуть.

Запах сена быстро вернул меня к этой мысли. Я в детстве на сеновале частенько ночевал. Утречком аромат сухого сена мозги включает лучше любого эликсира.

Я поднялся, перевалил через кучи сена и людей на них, добрался до дальнего угла сарая. Там был надстроен второй этаж и приставлена лестница. Я шинель сбросил и наверх.

Там, конечно, сено было чище, но оно меня не интересовало. Я к скату крыши подобрался и стал раздирать солому на ней изнутри, чтоб дыру сделать и вылезти наружу. Солома сильно свалялась, и голыми руками, без ножа, разодрать ее было тяжело. Когда я на крышу вылез, прямо передо мной лес стеной встал. Немцы были с другой стороны сарая. Порадовался я, что правильно дыру в крыше сделал, стал примеряться, как ловчее съехать по скользкой соломе вниз да в лес ломануться. А тут внизу как рванут гранаты, как застрочат автоматы! Я до сих пор не могу вспомнить, как с крыши слетел, как до леса добежал. Только там уже, в кустах, очухался, оглянувшись, зарево от пожара увидел, рев танков услышал, от побоища отъезжавших.

Не помню тоже, сколько по лесу тащился, пока... теленка заблукавшего не встретил. Тот меня увидел, замукал, кинулся навстречу, в руки тыкается, пальцы лижет. Взял я его за ухо, за собой повел, сам не зная куда. Шли, шли, а потом он как мукнет радостно, дорогу видно узнал, и меня теперь за собой повел. И вышли мы к лесниковой садыбе. Там, за то что теленка спас, лесничиха-вдова приютила меня, пока не наехали сюда ездовые их хозяйственного взвода авиаполка. Бумага у меня мобилизационная, слава богу, в кармане сохранилась. Меня в этот взвод взяли. И прослужил я в нем до конца войны. Дошел аж до Померании! Вот так, хлопцы!

Притихшие, мы сидели, уставясь на сухонького дядьку. У каждого из нас прошли войну родственники. И от каждого мы слышали их истории. Жизнь затуманивает остроту рассказанного, но не стирает сопереживание. Оно всплывает, когда в праздники, когда вот так, при случае. И его значение нисколько не умаляется для каждого из нас.

Сухонький дядька, застеснявшись нашего молчания, махнул рукой:

— Да чё, вы, хлопцы! Ну, выжил и живу! И вы — живите!

Все, словно очнувшись, заулыбались. Павлышанин радостно хлопнул ладонью по лавке:

— Деда! А ты самогонку пьешь?

— А кто же ее не пьет? Кто не пьет, тот болеет, або погана людына!

Через пять минут на столике был развернут царский стол. Курица-гриль и две бутылки пива «Рогань» от меня. Яйца, помидоры, домашний хлеб от учителя. Бутерброды с балыком и чай в термосе от долговязого. Моченые и свежие яблоки от сухонького дядьки. А в центре гордо возвысилась литровая бутылка из-под спирта «Рояль» с самогонкой, окруженная огурцами и тонко резаными кусками розоватого сала от павлышанина.

Восемь часов пути дальше до Харькова нам уже не показались долгими.

1992 — 2009 г.г

ОТ НЕНАВИСТИ ДО СМЕШНОГО — ОДИН ШАГ

«Нет! Все-таки я его не-навижу! И всегда ненавидел! С самого детства! Когда у него еще не было этого черного мерседеса. А был игрушечный «ЗИМ». Зеленого цвета. Правда, у меня была пожарная машина. Красная. Ох, как он мне завидовал! Все тарасил на нее свои голубые зенки... А я...»

Я останавливаюсь на перекрестке улицы К. С улицей Н. Здесь на месте одного из снесенных старых домов устроена автостоянка. Это — просто заасфальтированная площадка. Забор вокруг нее из металлической сетки. Цепь между двумя металлическими столбами из труб, изображающих ворота. И какой-то архаровец, тоже изображающий сторожа, сидит на алюминиевом стульчике и играет с цепью: то опустит ее, то подымет. Ждет, наверное, когда ему за эти игры зарплату дадут. А може и по шее... На этой «автостоянке» и стоит его мерседес. Рядом — серая «Волга». Три плотных фигуры в одинаковых костюмах. В ожидании хозяина скучают у машин. «Предприниматель злосчастный! Нена-вижу!.. Потому что ездит на мерседесе! Потому что фирмой владеет! Потому что не подойдешь!.. Вон какие амбалы охраняют... А ведь вместе в одном дворе выросли, в одном классе учились! Колькой-дохликом еще дразнили. За большую лобастую голову. Как у рахита. Он уже тогда нахалом был. Пирожок, который мама испекла и я во двор вынес похвастаться, взял и первым откусил... И проныра! Первым в классе купил, несмотря на запрет, калькулятор за сэкономленные на мороженом деньги. Правда, этим калькулятором потом, втихаря от дуры-математички, весь класс примеры обсчитывал! Ха-ха!.. И еще жмот! Конфеты в коробке, которую мы, мальчишки-шестиклассники, за победу в конкурсе «А ну-ка, парни» получили? Он же отдал ее девчонкам и ни одной конфеты, как капитан, не дал взять!.. А какие они были вкусные! Назывались «Красный мак»... Ненави-жу!»

Я глянул еще раз на амбалов. Бедолаги! Давно его, видно, нет. Где это он лазит? Ведь совсем уже в ящики от скуки превратились...

Я сворачиваю на улицу Н., прохожу мимо нескольких домов и останавливаюсь у пятиэтажки с маленьким магазинчиком на первом этаже. Это — уникальный магазинчик! Таких уже, я уверен, не осталось на всем бывшем советском пространстве. Это — БУКИНИСТИЧЕСКИЙ МАГАЗИН! Настоящий раритет! В нем сидит милый седой старичок, этаким тоже раритет середины прошлого столетия, с розовой проплешиной на макушке и клетчатыми от морщин щеками.

Я всегда захожу сюда. Особенно, когда давит быт. Как в том анекдоте: жене говорю, что иду к любовнице, а любовнице, что к жене, а сам сюда и роюсь в книгах, роюсь!.. И даже читаю. У окна есть уголок между полками. Там стоят два ящика. На них удобно сидеть. И главное, никто не мешает.

«Слава богу, что к этому магазинчику еще не протянули лапы всякие «предпринималы». Ха-ха! Он им без надобности. Точно знаю. Например — Колька-дохлик! Уже учились мы в одном институте. Так он на общем комсомольском собрании двинул речь (обхохочешься!), что знания человеку нужны настоящие. Его на смех подняли. И не зря! Кольку скоро самого исключили из института (трижды обхохочешься!) за неуспеваемость! Хотя, кто знает. Может и сам ушел. Но в приказе по институту, хорошо помню, именно такая формулировочка была».

Я ступаю на аккуратное крылечко, открываю деревянную, в квадратных окошечках, входную дверь. Звякает железный колокольчик. Пахнет библиотечной пылью. Перед глазами являются строгие, до потолка, ячейки полок, запечатанные, как воском, разноцветными корешками книг. Сияя розовой проплешиной, навстречу поднимается владыка оных книжных богатств. Он рад. Ему скучно. В магазине — никого.

Я подхожу к стойке, здороваюсь.

— Покопаться на полках можно?

— Копайтесь, милейший, копайтесь! Правда, вы не одни будете...

— Неужели еще кто-то есть?

— Есть, милейший, есть!..— и шепотом.— Сам (кивок в сторону второй половины магазинчика, куда допускались только избранные), сам... (и с придыханием) — давненько его не был! Но вот зашел! Чита-ет!

И в завершение разыгранной мизансцены многозначительно мигает левым глазом.

Крайне удивленный, отправляюсь в другую половину магазинчика. Иду вдоль полок. Делаю последний широкий шаг и сворачиваю к заветному месту. Ящики заняты. На одном сидит, подперев ладонью коротко стриженую лобастую голову... Колька-дохлик! Модный длинный плащ висит на моем крашеном гвоздике-вешалке в стене. Пиджак —серая ракушка возмутительным образом распахнут. Малиновый галстук журавликом радостно клюет пол. На другом ящике лежит толстая, раскрытая на середине книга. Рука с золотой печаткой бережно, бережно перелистывает ее желтоватые страницы.

Заслышав шаги, Колька испуганно поворачивается в мою сторону. Наши глаза встречаются.

Мы молчим.

Колька подносит палец к губам и смешно таращит свои голубые глаза.

Я повторяю его жест. И мы тихомолком смеемся.

Как в детстве. Когда прятались в оврагах или шалашах, играя в Робин Гуда или робинзонов.

1993 — 2004 г.г.

2000-ЫЕ ГОДЫ

«OLETTAMUS»

(Предположение)

Север Европы — это сплошные холмы, покрытые будто мхом, дремучими лесами.

Юг Европы — это необозримые, некогда ковыльные степи, изрезанные голубыми извилинами речек и заводей.

Только ночное звездное небо везде одно.

И над северной глушью. И над степной далью.

Потребности у людей тут и там — тоже одни. А вот образ жизни — разный. А значит — и разное виднее природы.

НОЧЬ НАД СЕВЕРОМ НОЧЬ НАД ЮГОМ...

— Y-Y-Y-Y-o! — потянулся из темных глубин оцепеневшего леса вой волка.

— Но! О-ОК! Но! О-ОК! Но... — полетел из прибрежного камыша в степной мрак резкий вопль речной птицы.

— О-О-О! — завторило ему эхо, блуждая между холмами.

— Ш-Ш-Ш! — заметался в стеблях напуганный ею какой-то зверек.

Все взаимосвязано в природе — и форма, и цвет, и запах. Но для общения главным остается только звук. И потому лес и степь всегда полны звуков. Всякий имеющий уши слушает: что же за этим?

Угроза? Предостережение? Призыв? Или просто сигнал?..

Наверное, в далекие-предалекие времена охотники на севере и пастухи на юге познавать природу вокруг себя начали именно со звуков. Благодаря этому начали мыслить.

Ну а следом — пришла речь.

Любопытно, как же это все происходило?..

Маленький, но плотный и бездымный костерок разложен под корнями вековой сосны. Его огонек отчаянно борется с кромешной тьмой. Он едва освещает пятнистый бок камня-валуна, низ замшелого ствола сосны и бесстрастное лицо охотника, слушающего ночь.

Сквозь треск сгораемой в костре древесины слышится шум ветра в кронах деревьев, скрип колеблемых веток, шелест листвы.

Вдруг эхо приносит волчий вой...

— Y-Y-Y! О-О-О! Y-O! Y-O! — в горле охотника рождаются звуки — подражание услышанному вою волка.

Их гармония ему нравится. Ею удобно называть эту пугающую, кромешную темноту...

Но вот темнота, наконец, сменяется предрассветным полумраком. Становится видным весь холм. На его вершине серый, огромный, в ядовито-зеленых пятнах мха камень-валун. Он словно подпирает вековую сосну, закинувшую негустую крону в самое небо. За камнем-валуном возвышается рыжий холмик лесного муравейника. Рядом еще несколько сосен и валунов, поменьше. Внизу — высокий кустарник.

Охотник тщательно затаптывает и присыпает прелым листом остатки костра. И вдруг настораживается.

Где-то далеко, в глубине кустарника, слышатся характерные звуки. Так ломится через лес медведь. Охотник прячется за дальний валун. От него ближе всего к густому ельнику позади холма. Словно крылья тонущей в воде раненой птицы хлещут из стороны в сторону ветви кустарника. Хрустит сломанный сук под тяжелой медвежьей лапой.

А вот и он сам! Встает на задние лапы. Нюхает воздух, оттопыривая нижнюю губу. Ничего не учуяв, опускается на передние лапы и неуклюже взбирается на холм.

Видит муравейник.

— А-А-РН-U-U! — ворчит, показывая желтые клыки, запускает в него лапу и ждет. Затем с удовольствием начинает ее облизывать.

— КНА! КНА! — вдруг кашляет, поперхнувшись.
Накислившись муравьями, зевает во всю глотку, взбирается на валун и ложится на него брюхом.
— А-А-РН-U-U! R-R-U-U! M-M-M! A-RR-НМ-M!
КНА! — тянет он какую-то только ему известную ворчливую песенку.
Скоро на зимнюю спячку.
Сыт он, и потому незлобив...
Охотник осторожно выглядывает из-за валуна и улыбается.
— К-НА! А-А-RR-НУU! КА-РНУ! — тихонько за медведем повторяет он его песенку.
Медведь вдруг сползает с валуна.
— M-M-M! — мычит он, то ли чему-то удивляясь, то ли на что-то жалуясь. Затем смешно ковыляет вниз, к кустарнику, и быстро скрывается в нем из виду.
Охотник переводит дух, выходит из-за своего убежища.
Передразнивая медведя, мычит, опускается на четвереньки и вдруг замирает.
Он видит примятый медвежьей лапой зеленый стебелек травы, который медленно, но упрямо выпрямляется.
Сила жизни не может не удивлять!
— M-M-M! — громко, по-медвежьи, выражает охотник теперь уже свое изумление.
Потом смотрит на корни сосны, под которой просидел ночь, и задирает голову.
— M-M-A-A! — рот сам собой открывается от восхищения.
Мощный ствол и хрупкий стебелек... Что общего?
Но охотник уже знает ответ на вопрос.
— МАА (земля)! — торжественно произносит он и бережно касается пальцами края смятого земляного холмика, облепленного снующими муравьями.
В это время между стволами сосен появляется и начинает весело плавать диск солнца, подкрадываясь к их косматым верхушкам.

— А-А-U-U! — кричит охотник в его сторону.
Ушла «УО» (ночь)
Ушел «КАРНУ» (медведь).
Ушли все ночные страхи...
Диск солнца замирает на верхушке самой высокой сосны, готовясь пуститься в свободное плавание над лесом.
Охотник щурится. Морщинка пересекает его лоб. Он размышляет.
Солнце — над лесом. Лес — на земле. Земля всему дает жизнь...
— АА-U! МА! ААМУ! — выводит охотник и улыбается.
Гармония звуков ему нравится. Ею хорошо будет отмечать восход солнца после темноты.
Когда все на земле пробуждается...
А в это же самое время, только далеко на юге, в бескрайних ковыльных степях, у легкого костерка над речной заводью сидит пастух.
Безлунное звездное небо гигантской опрокинутой черной чашей укрывает степные пространства. Ближе к костру чернота словно разрезается, и можно разглядеть, как в высоких травах двигаются неясные тени уже почти одомашненных пасущихся самок быка-тура.
За спиной пастуха блестит холодной серебряной полосой гладь воды. Легкий ветерок оттуда колышет пламя костерка. Тени причудливо играют на лице пастуха. Он слушает звуки, которые приходят со стороны реки.
Это вот — плеск и шорох воды...
Это вот — крик речной птицы...
А вот это вот — шуршание потревоженного зверьком камыша...
Пастух начинает голосом воспроизводить доносимые звуки и старается выстроить их в некую гармонию. Долго ничего не получается. Лежащий рядом с пастухом огромный волк со стертой от веревки шерстью на шее поднимает голову и недоуменно рыкает.

Пастух сердито машет в его сторону:

— Ч-Ш-Ш!

И вдруг смеется..

— НО-К! Ш-Ш! НО-О-ЧШ! НОЩ! НОЧЬ! — образует он наконец из бусинок рассыпающихся звуков короткое и гармоничное сочетание. Им хорошо будет называть эту шуршащую над степью... темноту!

Скоро темнота (НОЧЬ) начинает терять свое царствование над степью. Место, где должно было взойти солнце, сеерет. Ночная теплынь сменяется рассветной прохладой. Пастух ежится. Костерок уже не спасает.

Седой безбрежный ковыль заволновался, затрепал, потревоженный не то ветром, не то чьей-то лапой. Но волк спокоен. Пастух сладко потягивается, падает головой в траву и умиротворенно смотрит сквозь нее на быстро голубеющее небо.

Но что это?

— 3-3-3-Е! 3-3-Е-Е-Е! 3-3-3!

Из травы взлетает и звенит прямо над ухом потревоженный комар. А вот еще один... Только у костерка на ветру и спасение от них...

Над речкой появляется туман, который тянется полосами далеко в степь. Хорошо становится видным стадо. Двигаясь то в низинках по самое брюхо в белом молоке тумана, то на пригорках по колени в мокрой от росы траве, самки медленно сбредают к костерку. Мокрая земля чавкает под их копытами, ковыль трещит...

— ЧМАК! ЧВАК! ТР! ТР-Р-Р! — ищет пастух звуки, чтобы передать голосом услышанное.

В это время из ближайшей балки появляется женщина с большим глиняным горшком на плече. Она идет доить самок.

— ДЗИК! ДЗЕНЬ! ДЗЕН! ДЗЕМ! МЛЕМ! МЛИМ! МЛАМ! МЛАК! МЛЯК! МЛЯМ!.. — на все лады звенят в шапках пены белоснежные струи заполняющего горшок молока.

Пастух вслушивается и морщит лоб...

ЗЕ(округлый жест рукой, показывающий, как ее много) — ло травы — сыты самки! Сыты самки — есть МЛА(теперь плещущий жест, показывающий, что продукт сытен) — ко, а значит не умрут с голоду его дети и дети этой женщины...

Он ищет звуки, отвечающие его мыслям.

— ЗЕ — МЛА! — неожиданно рождается новая гармония звуков...

Кормит всех ЗЕ — МЛА. Кормилица — ЗЕ — МЛА!..

И пастух, довольный, смеется.

Розовым, как вымя самки быка-тура, светом набухает то место горизонта, откуда вот-вот появится солнце.

— У-У-О-О-О! — дурашливо воеет пастух, подражая так и не появившемуся возле стада волку.

Самки вскидывают свои рогатые головы. Женщина сначала пугается, потом смеется, грозит ему кулаком. ТР-Рещит ковыль под лапами вскочившего и игриво подбегающего к нему прирученного волка .

— У-У-ТР-О-О-О! — находит пастух новую гармонию звуков.

Им хорошо будет отмечать приход солнца после «НО — ЧИ»...

Так рождались, наверное, на севере и на юге Европы первые слова:

УТРО — ААМУ

ЗЕМЛЯ — МАА

НОЧЬ — УО ...

Скажите, что это все надумано? Может быть.

А сможете оспорить и сказать, что все было не так?..

2001 г.

ВСПЫШКА СВЕТА

По дороге от автостанции к братве можно было бы заскочить к родакам, погреться и перекусить. Но ноги сами пронесли мимо. А мор-роз!.. Ох и крепок! Как леденит щеки и студит губы!..

И ветер под куртку задувает.

И зубы звонко выстукивают:

— Ди-ди-ди...

И челюсть откликается:

— Аг-га-га-аг...

А ноздри слипаются при вдохе и с трудом раздраются при выдохе:

— Ну-ос... Ну-ос... Ну-ос...

Ох, скорее бы!!Еще немного, и тело промерзнет окончательно. Как кисти рук и ступни ног...

Фу-у! Наконец-то! Почти уже на месте! Сейчас свернуть направо и... Мощный порыв ветра бьет в пах и ставит тело в позу «ню». Оглушительный свист в ушах усиливается ежесекундно. Поза «ню» начинает ломаться. Стылые мышцы рук со скрипом приходят в движение, и тело принимает позу пловца стилем «кроль». Она явно удобнее и помогает быстрее догresti до двери подъезда.

Наступает не менее оглушительная, чем ветер, но более приятная тишина. Можно попытаться расслабить скрюченные от холода мышцы, оглядеться. В подъезде тепло, но не уютно. В закапелке для велосипедов на полу валяются несколько пустых банок из-под пива «Karhu».Значит, братва уже здесь!

Теперь на второй этаж. Смерд разлитого пива, пепла сигарет и кошачьих фекалий, малоощущаемый внизу, шибает здесь в нос так остро, что ноги как можно быстрее несут еще деревянное от холода тело к дверям, за которыми глухо бухала музыка.

Все до боли знакомо и... отвратно.

Захотелось уйти.

Но куда? Домой? К родакам?! Нет! Стыдно, мучительно стыдно, что...

Большой палец вдавливают кнопку звонка. Буханье музыки и поминутный бурный гогот за дверью заглушает его напрочь. Только после пятого остервенелого звяканья наконец-то приотпали к дверям и щелкнули замком.

— Ну, з-здор-рово!

— О!Привет! Заходи, заходи! Ну что, удачно съездил? Все нормально?

— Н-нормально. Пивас уж-же весь прикончили?

— Не! Еще два сикс-пака есть. Распили только один.

— За мной доля.

— О'К! Отдашь Олегу.

— А у него откуда бабки?

— Сказал, мать дала.

— Ви-изет ему!

Маленькая вешалка в прихожей вся облеплена верхней одеждой. Из обуви на полу под ней сиротливо валяется только пара стоптанных мужских домашних тапочек. Онемевшие от холода руки никак не могут стянуть с озябшего тела куртку.

— Да брось! Оставайся в ней! Половина наших в куртках сидит.

В другой комнате за закрытыми дверями вдруг замолкла музыка. Началась прелюдия какого-то боевика: стрельба и истошные вопли действующих лиц. Зазвучал гоблинский голос сопровождающего перевода.

— Что, леффу включили?

— Угу! Пивас на кухне. Глотнешь, заходи. Только табурет захвати.

— А в той... другой комнате?

— Ха-ха! Никого нет! Диван пуст!

— Клево! Значит, можно покимарить.

— Что? Бодун? Крапула? Отходняк?

— Не. Устал просто с дороги.

— Ну тогда давай!

— Давай!

На кухонном столике в желтых лужах несколько пустых и полупустых коричневых бутылочек. У отопительной батареи под окном несколько рядов пустых. Два сикс-пака, один целый, другой распечатанный, на мойке. Разорванная упаковка третьего возле электроплиты.

Гульба в разгаре. Привычный глаз сразу отмерил долю пива, на которую можно было рассчитывать, и сумму, которую нужно будет отдать. Противно засосало под ложечкой. Таких денег не было. Значит, снова в долг.

Неожиданное и остервенелое царапанье и сопение в дверях кухни заставило резко обернуться. Лохматый серо-черный кот с дикими глазами, прогнув спину и расстопырив подушечки передних лап, скреб саблеподобными когтями дверной косяк.

— Ф-фу, Грызла! Ну ты меня и напугал!

Кот насмешливо покосился по сторонам, спрятал когтища и коротко мяукнул. Потом пошевелил розовыми ноздрями, принюхиваясь. Ему явно не нравился запах, шедший от мокрых кроссовок. Вытянув шею, сморщил нос, брезгливо фыркнул и отправился вон из кухни, подрагивая кончиком черного хвоста. В дверях кот оглянулся и ехидно зыркнул своими дикими глазищами, будто что-то знал, но решил помалкивать.

И от этого страх, казалось, накрепко загнанный в глубину души усилием воли, вдруг вывернулся оттуда и затрепетал у горла, как днем в кабинете врача.

«Ваш диагноз, к сожалению, анализы подтверждают. Лечение возможно, но потребует много времени и усилий...».

Гоблинский голос из-за закрытых дверей комнаты был созвучен темному душевному смятению. Захотелось выплюнуть его, как простудную мокроту.

Но это было невозможным. И на душе еще больше потемнело. И, как ведро в зев колодца, она стала медленно погружаться в густой мрак, пеленой вставший перед глазами. Пиво, залпом выпитое из бутылочки, только оросило пересохшие язык и небо.

Как же мучительно давит на уши этот гоблинский голос!

Дверь в комнату с диваном приглушила его. Стало легче ушам, но не на душе. А глаза совершенно перестали востребовать свет.

Два шага, и колени уперлись в диван. Постоянно растеленный в вечной боевой готовности диван-траходром был на прежнем месте. Найденная на ощупь и подsunутая под голову кожаная холодная подушка непослушной лодкой закачалась и... вдруг вихрем сорвалась куда-то вниз.

Падение было вечным и жутким. Душа невыносимо холодела и сжималась. А где-то далеко внизу, пронизывая сердце колючим страхом, замерцало что-то леденящее и липкое.

Это что — КОНЕЦ?!

Так выглядит СМЕРТЬ?..

Наверное, в тот момент кто-то заглянул в комнату проверить, занят диван или нет, и на секунду включил свет.

Желтый нимб вокруг лампочки вспыхнул над диваном ослепительным эллипсом, спасительно и ярко, как над головой Христа на знакомых картинках в Детской библии.

Глаза стали жаждать света... И падение — вдруг затормозилось! В глубине тела, на уровне желудка, стало теплеть.

Наверное, там у человека находится первый порог восприятия горя или радости, страха или надежды. А дальше уже начинают реагировать душа или сердце. Хотя нет, скорее всего начинают сперва работать мозги, отвечающие за осмысление пережитого и за защиту от потрясений. Сознание, а с ним и все тело, теперь уже стремительно понеслись по кругу вверх. Этот взлет был синим и прохладным, как первые летние ночи.

А дальше вдруг произошел провал в сон, похожий на отключку. Но только не ту, знакомую, мутную, под влиянием алкоголя, а новую, в сновидениях, похожих на перелет пестрой бабочки от цветка к цветку, на взлет журавлиного клина.

Когда кружево сновидений начало таять и глаза сами собой нехотя приоткрылись, неприятной реальностью стала настороженная и черная темнота. Тут же вспомнилась вспышка света, и душа запросилась из комнаты вон.

Лохматый серо-черный кот сидел на коврике и мучительно смотрел на входную дверь. На стук двери из комнаты повернул голову и зыркнул своими дикими глазищами. Длиннющие усы и розовый рот беззвучно раздвинулись в коротком «мяу».

— На улицу хочешь, Грызла? Ну что ж! Ты волен во всех своих стремлениях и пожеланиях. Твоя котьярская жизнь не живет под властью ума и сердца, а только под властью природных потребностей. Так иди же и удовлетворяй их!

Входная дверь только начала было приоткрываться, как кот тут же проструился в щель и словно растворился в темноте лестничной площадки. На мгновение блеснули его глазища. Видимо, кот обернулся, прежде чем сбежать по лестнице. Мерцание кошачьих глаз было холодным и насмешливым, как у луны, уходящей с тревожного ночного неба с наступлением жизнерадостного рассветного часа.

Гоблинский голос из-за закрытых дверей монотонно звучал по-прежнему. Заходить не хотелось, но томил вопрос, кто же включил спасительный свет в разгар мучительного падения в бездну колючего страха, остатки которого все еще шуршали пенопластовой крошкой вокруг сердца.

Хотя, какая разница!.. Или может все-таки есть разница?

В комнате, залитой струившимся из экрана телевизора глубоким светом, было несколько ребят. Кто сидел на диване, кто на полу. Все были поглощены мельканиями на экране.

— Братва! А кто свет врубал, когда я был в той комнате?

— Ты че, больной! Никто отсюда не выходил!

— Гы-гы! А с кем ты там был?

— Да тихо, пацаны! Не мешайте смотреть! А ты, братан, если глюки ловишь, глотни пивка и иди опять... спать!

Гоблинский голос по мере удаления от входных дверей квартиры звучал все глуше и совсем исчез у подъездных.

Кота возле них не оказалось. Непогода не утихомирилась. Но 20 минут перехода до родительского дома почему-то уже не страшили. Наоборот, рожденное от необъяснимой вспышки света врачующее тепло робкими волнами плескалось под сердцем, размывая пенопластовые крошки пережитых страхов.

И в освобожденных от них пространствах затрепетала знакомая из недалекого еще детства вечная для любого человека жажда родительского тепла и нежности. И мелькнула мысль, что только бы отец не разрушил своими нравоучениями и репликами несмело рождающуюся в сердце веру, что еще не все в жизни потеряно и что диагноз, как сказал доктор, все-таки может быть изменен.

Ветер мощным ледяным потоком вынес тело от подъездных дверей за угол дома, швырнул в лицо зарядом снега. Потом, как марионетку, поволок по улице. Сопrotивляться ветру хотя и было трудно, но возможно. Это доставляло какую-то детскую радость.

А еще вдруг пришла и начала не давать покоя мысль о спасительной вспышке света, бывшей то ли во сне, то ли наяву.

2006-2007г.г.

БЕРЕГА ПАМЯТИ

Автобус, тяжело кренясь, свернул с асфальта на проселок и долго ехал лесом по грунтовой, засыпанной мелким щебнем, дороге. Она вывела на площадку у подножья небольшого холма. На этой площадке автобус остановился возле трех машин, на одной из которых трепетал под легким ветерком трехцветный флажок. Это была машина консула России в Финляндии.

Немолодой рыжеватый водитель в белой рубашке открыл двери, и люди, в большинстве своем пожилого возраста, покинули автобус и пестрой стайкой, почти все с букетами цветов в руках, потянулись к тому краю площадки, где в стене леса угадывался небольшой проем и дальше — тропа.

Продвигаясь по ней, все невольно засмотрелись на окружающий лес. Лес казался храмом, столько было в нем величия и весенней чистоты. Стволы сосен стройными колоннами тянулись к куполам своих крон. Кряжистые лиственницы и развесистые березы зелеными башнями стояли перед ними. Солнце играло искрами яркого света в листьях деревьев, и от этого весь лес был пронизан таким просветлением, что душа переполнялась благоговением от созерцания пробужденной после зимы природы.

Тропа, по которой двигались люди, скорее всего была не тропой, а просекой. И шла она не по прямой, а по кругу, огибая холм и спускаясь в небольшое урочище. В нем стоял на постаменте голубой, с красной верхушкой, камень-пирамида, окруженный железной оградой в рост человека. На одной стороне памятника под желтой звездой была надпись: «На этом кладбище похоронено 17 русских военнопленных».

Сегодня — 9 Мая. Люди с цветами — переселенцы-ингермаландцы. Они приехали к памятнику возложить цветы и отслужить молебен в память о покоившихся здесь.

Возле ограды уже стояло несколько человек. Почти всех подходившие знали. Это были члены правления местного

отделения Общества русско-финской дружбы во главе с председателем-финном и переводчицей и русский консул с женой. Только две женщины в белых платках и священник, облаченный в черные одежды и красную епитрахиль, были неизвестны. После выступлений председателя общества с переводчицей и консула, они и начали службу, ради которой все сюда приехали.

Первыми запели женщины-певчие. Их красивые, хорошо поставленные голоса сразу вплелись в весеннюю музыку леса, создали настрой в душах людей на таинство. Потом заговорил священник. Слова молитвы он произносил заученно и скорбно, обращаясь не к стоявшим у ограды, а к тем, кто покоился под камнем-пирамидой. Но от того, что на нем еще не было имен, а только цифра, молитва звучала не за упокой души конкретных воинов, а всех убиенных на войне.

И людям это было по душе. У каждого из присутствовавших в роду были погибшие на войне. Такое общее обращение к Богу священника в мыслях каждого сносилось с конкретным именем. И искренние слезы памяти и боли, у кого явно, у кого в сердце, вторили маленькими колокольчиками вослед словам молитвы.

Возложение цветов, как обычное завершение таких церемоний, прошло несколько суетливо, но без толкучки. Скоро весь постамент вокруг камня-пирамиды был заложен букетами цветов. Затем среди них поместили и зажгли поминальные свечи. В буйстве красок цветочного декора маленькие огоньки над белыми строгими столбиками свечей еще больше подчеркнули торжественность момента.

— Вспомнили, а не помянули, — буркнул Левенко.

— Ты же взял все! — повернулась к нему жена.

— Взять-то взял, да как это сделать? Вдруг финны не поймут. Еще обидятся.

— Спроси у консула.

Левенко бочком протиснулся сквозь толпу к консулу, тихонько шепнул ему на ухо несколько слов. Тот поднял бро-

ви, потом сдвинул их. Затем отступил немного в сторону от окружающих их людей.

— Я думаю, в этом нет ничего крамольного. Наоборот. Это по-человечески, по-народному. Так, наверное, помянули бы своих товарищей и те, кто лежит под этим камнем. Были бы живы. Но, думаю, не стоит этого делать при всех. Особенно при финнах. Могут неправильно понять. Ведь у них не принято на могилы водку приносить. Да и остальным, что не с вами, этого не стоит видеть. Вы меня понимаете?

— Спасибо за совет. Я так и сделаю.

Когда участники церемонии, по окончании ее, медленно потянулись один за другим из урочища по просеке вверх, а внутри ограды никого не осталось, Левенко вытащил из сумки три стаканчика и передал жене. Потом следом бутылку водки и коробку с нарезанными ломтиками черным хлебом и кислым огурцом. Первый стаканчик с водкой, положив на него ломтик хлеба, Левенко поставил, раздвинув букеты, под надпись. Наполнив водкой свой и жены стаканчики, бутылку сунул обратно в сумку. Потом взял из рук жены хлеб и огурец и, глядя на камень-пирамиду, кашлянул и сказал:

— Пусть земля вам будет пухом, ребята. И пусть родные вспомнят вас сегодня. Кто — живы!

Что-то пересекло ему голосовые связки, резануло по уголкам глаз. Единым духом осушил он стаканчик, придержал на секунду дыхание и шумно выдохнул. Жена, сама блестя повлажневшими глазами, тихонько погладила его по локтю.

На журнальном столике, за таким же стаканчиком с ломтиком хлеба, у них дома сейчас стояла фотография его, Левенко, отца и матери.

Рано утром, когда жена и сын еще спали, Левенко вытащил ее из альбома. Сделана фотография была много-много лет назад, тоже 9 мая. После митинга на площади, плетясь рука об руку домой, старики остановились перед фотоателье и решили, что неизвестно, когда смогут выбраться при параде из дому, и зашли сделать фото. Или детям на память, или на могильный камень. Всю войну прошли вместе, живы

остались. Прожили жизнь вместе. В мыслях и умирать думали вместе. Полученную фотографию, и, правда, в виде гобро, после их смерти Левенко на могильный камень прикрепил. А саму фотографию в дорожный альбом положил, когда уезжал в Финляндию.

Надо было уходить.

Левенко снял хлеб со стаканчика, раскрошил вокруг камня-пирамиды. Следом расплескал водку, повторив те же слова.

Выйдя с женой к просеке, Левенко оглянулся.

Маленькие пичужки быстрой стайкой слетались к подножию камня-пирамиды, суетились возле букетов.

— «Крошки собирают, — догадался Левенко. — Говорят, с птицами души умерших на свои могилы приходят в такие минуты».

Умиротворение заискрилось в душе, как солнечный свет в кронах деревьев.

И захотелось не спешить, задержать прикосновение души к берегам памяти, которые так редко ощущаются в суете бытия.

2006

БИСЕКТРИСА ВЫБОРА

(повесть)

Геометрия в жизни

Треугольные учебные комнаты.

Классные комнаты имели три стены, а не четыре.

Не понимаете? Все очень просто! Когда в учебном центре для новых групп иммигрантов, изучающих финский язык, стало не хватать классных комнат, его огромное центральное фойе, нет, правильнее сказать, четыре угла этого фойе аккуратно отделили стеклянными перегородками-рамами с вделанными в них дверями и получились... треугольные комнаты в виде равнобедренных треугольников (простите за дальнейшие математические выкладки!).

Стеклянные перегородки с дверями имели длину 14 метров, а две другие стены классов, по 10 метров, были образованы частями бетонных стен и кусками уличных анфилад окон.

В образованные четыре комнаты поставили по тринадцать ученических столов, по одному учительскому, по пластиковой доске и по тележке с телевизором и эпидеоскопом.

Такое необычное и в то же время комфортное размещение произвело на большинство иммигрантов-учащихся этих групп неизгладимое впечатление. Вот как здорово умеют обустроиваться финны!

В одной из групп, попавших в треугольные классы, было 12 человек. Ее учителем и одновременно куратором назначили Эйю. Лишний ученический стол оказался перед ее сто-

лом. Намного позже, после выпуска группы, причину этого неожиданным образом объяснил знакомый учитель математики из LUKIO (гимназии).

Этот стол находился на пересечении медиан треугольного класса, в полутора метрах от стола учительницы. С трех сторон через него проходили взгляды, направленные на учительницу, двенадцати человек.

Понимаете?!

Двенадцать взглядов — это же действие двенадцати энергетик! Учительница почти всегда могла адекватно на них реагировать. Сидевший бы за этим столом к ней лицом, а ко всем остальным боком или спиной — никогда!

Вы могли бы это выдержать?! Не уверен. Вы же не... Иисус Христос!

В группе, наверное, все были такого же мнения. Стол так и остался пустовать до конца курсов.

Энергетика углов.

В воображаемую вписанную окружность треугольного класса Эйи вошло девять столов. Один из них, как уже отмечалось, пустовал. Ее стол стоял у стеклянной перегородки и совмещался по медиане со столом в прямом угле, находясь с ним вместе на периметре этой воображаемой вписанной окружности.

Вообще-то, это уникальное явление и в математике, и в жизни — описанная окружность или... окружение!

Хотите, объясню свою мысль? Предположим, если несколько объектов находятся, так сказать, в чистом кругу, то они будут вести себя по отношению друг к другу как стеклышки в детском калейдоскопе. Но стоит на оси этого круга появиться влиятельным объектам!..

Понимаете? Стол в прямом углу и стол учительский... Как полюса!.. (Если понимаете, я рад за вас! У вас тоже прекрасное пространственное воображение!). Так вот! Эти влиятель-

ные объекты сотворят для невлиятельных субъектов жизнь межполюсообразную. Тут уж закон, хоть физический, хоть социальный, гласит в таком случае одно: между полюсами просто так болтаться нельзя. Обязательно произойдет (полное или частичное, явное или скрытое) тяготение к одному из них. Если такой круг вписан в треугольник, тяготение чаще возникает к тому, будем говорить, полюсу, у которого за спиной — прямой угол!

В этом углу треугольного класса Эйи сидел Люсьен. Он приехал из Марокко и был женат на финке, имел двоих детей.

Теперь несколько слов о прямом угле. Прямой угол — это не просто 90 градусов или еще что-нибудь математическое. Помните выражение: «краеугольный камень»?! Так вот оно, как ничто другое, характеризует определенные субъективные свойства прямого угла!

ОН — не способен мечтать или созерцать, а просто несет на себе все тяжести мира. (Не потому ли монументальные творения имеют в себе большое количество прямых углов?). ОН — как ничто другое, точно дозирует пропорции плюсов и минусов в жизни. (Это порождает вокруг него ауру справедливого вершителя правосудия.)

Редкостное сочетание диктата и ...шарма, не правда ли?

Люсьен в этом углу, словно из корзины воздушного шара, всех хорошо видел и был настоящим воплощением его гармонии. Семеро из двенадцати вошедших в воображаемую вписанную окружность треугольного класса полностью ему подчинились (учительница, конечно же, хоть и влиятельный объект, была не в счет). Четверым остававшимся вне влияния было удивительно наблюдать как эта команда незаметно превратилась в безапелляционных оценщиков и законодателей всего происходящего в группе и вне ее.

Вы не забыли, что класс был треугольным? Два других угла, острых и независимых от вписанной окружности, имели другую энергетику. И четыре стола, этих, оставших-

ся вне команды, словно заняли против семерки глухую оборону.

В самих углах сидели Полина, приехавшая из Петрозаводска с шестилетней дочерью, и Денис, получивший разрешение на переезд в Финляндию из Казахстана только для себя и жены, так как сыну было уже 21 год.

Острый угол, наверное, самое надежное убежище в этом изменчивом мире. Из острого угла очень удобно наблюдать за происходящим, оставаясь незамеченным.

И неважно, что образует угол — или две стены из кирпича и стекла, или шоры из духовных неприятия и душевного мелколесья. Главное сохранить равно-весие, равно-действие или, в конце концов, ко всему просто равно-душие. Для этого нужно только придерживаться биссектрисы угла.

Помните знакомую еще со школьной скамьи присказку? «Биссектриса — это такая крыса, которая бежит по углам... (Наша жизнь в сплошных углах. О них ранятся или ударяются. В них загоняют себя или других)... и делит угол...

(Как важно найти свой угол и суметь из него не выйти, если наступила черная полоса!)...

пополам»...

(А еще, чем угол острее, тем он уютнее!)

Угол, который достался Полине, был образован с левой стороны стеклянной перегородкой, с правой — бетонной. Похожая на фон для черно-белого фото, эта бетонная стена была скучной. На нее можно было смотреть, что и делала иногда Полина, когда никого не хотелось видеть. Чаще она меланхолично созерцала через стеклянную перегородку оригинальным образом преобразованное фойе, а еще чаще, по биссектрисе своего угла, через окна, — городские кварталы. Ей нравился ее угол. Никого за своей спиной, сам за чужими спинами. Как на площадке обзора — всех видно, а тебя нет.

Угол, который занял Денис, образовывали стеклянная перегородка и наружные окна. Из него одинаково хорошо

были видны по левую сторону кусок автострады и по правую сторону часть фойе. Как под косым парусом, взметнувшимся ввысь, плыла эта странная лодка-класс перед его взором! Словно мечта из далекого детства о высоких морских горизонтах и капитанском мостике стала явью, хотя и таким неожиданным способом.

Классический треугольник

Надо отдать должное Эйе, с юмором и выдержкой у нее было все в порядке. Посмеявшись вместе с группой над таким оригинальным помещением, рассадив всех и перезнакомившись со всеми, она сразу сосредоточилась на главном: работе над грамматикой финского языка. Ксерокопии из учебников с толкованиями важнейших моментов теории финского языка и соответствующими им упражнениями, беседы по статьям местных и хельсинских газет и самостоятельно подготовленные учениками выступления. Как в школе. Только с одной разницей. Финский язык был родным лишь ей. Для всех в группе — нет. И потому работа Эйи с учениками напоминала некую игру в одни ворота. Она одна была нападающим, а все остальные — голкиперами. Ее точные пасы, неожиданные посылки, изощренные финты одни принимали уверенно, другие, догадываясь интуитивно, схватывали на лету, а кто сидел баран бараном (таких, естественно, было подавляющее большинство), безнадежно пропускали все мимо, сетуя вслух на память и возраст, а втайне на злую судьбу и такого же тупого соседа.

Так прошел первый месяц совместной учебы.

Говорят, учитель — это не профессия, а диагноз. Группе повезло, Эйя была именно таким учителем. Она, казалось, не знала усталости, делая свое дело из урока в урок, сохраняя ровное отношение ко всем и неизменное восхищение малейшим успехом каждого. Все ошибки, которые допускались на доске или на листках опроса ее учениками по той или иной теме

грамматики, становились отправной точкой на уроках повторения. А то, что писалось в виде ответов на вопросы социального или культурного содержания, превращалось в предмет исследования адаптации ее питомцев к финской жизни.

Однажды она предложила ответить коротко в шуточной форме на вопрос: «Что вас больше всего волнует сейчас?». И ей бросились в глаза ответы учеников, которые сидели именно в самих углах.

Люсьен аккуратно вывел: «Его (ее) взгляд всегда беспокоит меня».

Денис размашисто написал: «Я ждал друга (подругу) вчера в кафе целый вечер».

Полина неровным почерком начертала: «Я хотела бы, чтобы моя дочь в будущем всегда помогала мне».

Фразы были явно созвучны душевному настроению каждого.

Эйя стала присматриваться к ним и скоро отметила про себя: эти трое скоро, наверное, составят классический любовный треугольник. И не ошиблась.

Выбор

Свидетельство о наследии (Денис)

Что в его роду по линии матери были финны, Денис знал давно. Но вот что у него есть возможность уехать в Финляндию, как переселенцу на историческую родину, узнал совсем недавно.

Было время обеденного перерыва. Бригада собралась, как обычно, в каптерке. Лопали нехитрую домашнюю снедь, запивали ее кипятком с щепоткой чая из общего чайника и лениво судачили о том о сем.

Начал Фома, известный на весь цех «газеточей». Сбив на затылок вязанную шапочку и выпятив вперед небритый худой подбородок, он вдруг спросил:

— А ты знаешь, Денис, кто такой Мауно Койвисто?

Бригада гыгыкнула. Но Фома остался серьезным.

— Президент. Кажется, Финляндии, — неуверенно сказал Денис.

Фома радостно заржал.

— Во-во! Ка-ажется! Ты, дурень, тут сидишь, не знаешь, как семью прокормить, а тебя в Финляндии он с распростертыми объятиями ждет.

Денис поперхнулся и долго не мог откашляться под лошадиное ржание бригады. Но Фома был бы не Фома, если бы не дождал в том же духе поднятую тему.

— По матери ты финн?

— Ну, финн.

— А чего тогда здесь сидишь? Взял бы и поехал в Финляндию. Благо этот Мауно таких, как ты, всех приглашает. Ты что, до сих пор не знал об этом, газет не читаешь?!

Бригада уже не ржала, а рыдала от смеха. Денис, криво улыбаясь, хлопал глазами и не знал, что сказать. Фома поскреб ногтями, как кот, щетину под подбородком и закончил:

— В 1990 году Мауно Койвисто, финский президент, предложил всем финнам, что живут за границами, вернуться на историческую родину. Если есть в свидетельстве о рождении отметка, что хотя бы один из родителей финн, а у тебя это мать, то можешь брать это свидетельство о рождении и дуть в посольство Финляндии. Признают свидетельство подлинным — откроют зеленую улицу. За бугор. В Финляндию. Усек, финн?

Теперь бригада, прозрев, замолчала, а засмеялся Денис. Правда, вышло это у него как-то по-щенячьи, неуклюже, но с беззаветной верой, что это не обман. Наконец-то не обман, который так обрыдло сопровождает его все время: и на работе, и по телевизору, и в семье...

Разве не наваждение жить так изо дня в день? Вставать раньше всех утром, тихо красться на кухню через единственную комнату (ночью — спальня, днем — гостиная), уставленную их с женой разложенным диваном и сыновней

раскладушкой. Пить вчерашнюю заварку, разбавленную кипятком, с хлебом и вареньем, так как колбаса и масло предназначены на обед. Давиться в переполненном влажном автобусе с риском потерять пуговицы на куртке. Вкалывать целый день, зная, что заработанное исправно прибавляет цифирки на корешке, а не в кошельке...

И всегда и всем должен! Вечный должник! А почему ему никто не должен?

Вечером, когда Денис устал тупо таращиться в телевизор на надоевшие до одури какие-то бразильские сериалы, без которых по капризу жены не проходил ни один вечер, он в течение рекламной паузы рассказал ей о сегодняшнем приколе Фомы. Жена вдруг всполошилась и бросилась искать свидетельство о рождении Дениса. В тоненькой, сложенной вдвое бумажке с гербовыми разводами действительно напротив фамилии его матери была проставлена национальность — «финка».

Остаток вечера они провели в каком-то блаженном состоянии, будто на них неизвестно откуда свалилось известие о родственнике со странной фамилией Койвисто. Они о нем никогда не слышали. Но это и не удивительно. Ведь он живет в Финляндии. Далеко на Севере. А там все странное. Не только фамилии, но и язык. Мама в детстве на Новый год всегда пела Денису песенку про елочку на финском языке. Он, конечно, ее не запомнил, но ощущение, что за этими звуками, как в сказке, видится машущая густыми ветвями северная лесная ель, украшенная серебряными шишками, осталось в памяти навсегда.

Жена восприняла свидетельство о рождении Дениса как неожиданное наследство от уже покойной и нелюбимой свекрови. Ну надо же! Таким богатством старушка обладала и не воспользовалась! Ведь могла давно сама в Финляндию уехать! А с ней и все...

Вечером, не стесняясь разбудить спящего на раскладушке сына, тесно прижалась к удивленному Денису и долго шептала на ухо что-то несвязанное и горячее, перемежая тихие

поцелуи с откровенными ласками. А когда довела Дениса до полного изнеможения, первая соскочила с дивана и убежала на кухню, где при закрытых дверях и выключенном свете они сладко, как в молодые годы, совершили жаркое соитие, смыывая с душ своих накопленные за многие годы взаимные обиды и упреки.

Вот в эту страну прекрасных дорог, отгороженных от дикой природы аккуратными заборами из металлической сетки, Денис и его жена въехали в конце зимы после получения известия о предоставлении им квартиры.

Сын остался дома — ему был 21 год. Но Денису показалось, что он не очень огорчился. Молод, на жизнь зарабатывает, квартира осталась ему, можно жениться, а чего еще большего желать в такие годы!

Северная сказка (Люсьен)

«Только то бытие прочно, в котором ничего не происходит. Вернее, всегда идет своим чередом, привычным и извечным.»

Этот жизненный принцип утвердился в роду Люсьена еще при прапрадедушке во времена султана Мухаммеда-бен-Абдаллаха. Тогда их город Эс-Сувейр еще только строился. Да и назывался он по другому — Могадор. И жизнь была в нем совсем другая, потому что главным для города были не туристы, хиппи и художники, а порт. Из жаркого марева великой пустыни Сахары выходили к нему медлительные караваны верблюдов, груженные золотом и слоновой костью. Гонимые высокой волной и легким ветром подплывали к нему из морских далей тяжелые корабли, высыпая из своих чрев по шатким сходням на многолюдную пристань муравьиные бусинки тел черных рабов из Центральной Африки. Европейский купец, у которого служил их прапрадедушка, по сохранившемуся портрету этакий вертлявый и глазастый марокканский еврейчик, благоволил к своему услужливому

работнику и нередко закрывал глаза на его некоторые, так сказать, вольности, позволившие в конце концов хитрому малому сколотить небольшой капиталец и начать свое торговое дело. Даже когда в городе начали верховодить знаменитые на все Средиземное море марокканские пираты, никто в их семье так и не поддался заманчивым ветрам перемен, несущим воздушные шарики людских судеб к неизведанным горизонтам. Торговцами были всегда, ими и остались. Вот и многочисленные братья его собираются продолжить эту однообразную жизнь.

А он, Люсьен, — нет! У него к такой жизни — глубокая неприязнь! Целый день сидеть в дверях семейного магазинчика, ловить за руки зевак-туристов, соловеть от дурманящих запахов из ресторанчиков и фруктовых рядов, гложуть от несмолкаемого гула голосов и автомобильных сигналов, и чувствовать себя словно запертым в лабиринте этих тесных улочек, задрапированных всяческой мишурой для туристов?!

Ну уж нет! Куда лучше, особенно в ранние часы, когда мало туристов, бродить по безграничному берегу океана, подниматься на круглые бастионы полуразрушенной береговой крепости, смотреть на Пурпурные острова, хорошо видные даже в плохую погоду, и думать, что как пилигрим из Мекки, ты находишься на карантине от чумы (упаси бог ей и в самом деле когда-либо появиться!), но только не на этих островах, ранее снабжавших Древний Рим драгоценным пурпуром, а здесь, в когда-то знаменитом городе пиратов, а теперь назойливых туристов и равнодушных хиппи. И тоже, как и этот одержимый пилигрим, ты с нетерпением ждешь окончания вынужденного заточения, чтобы отправиться затем дальше, за стынущую синеву океана, в сказочные миры. Нет, ему, Люсьену, не нужны сокровища, о которых мечтают все жалкие торговцы туристической мишурой на их улице, не нужны белые красавицы, о которых до одури шепчутся вечерами его братья. Надо просто совершить нечто такое, о чем бы заговорил весь мир! Весть

о нем дошла бы сюда. И тогда, о!, как бы гордилась и завидовала ему родня!

На этой фазе юношеские мечты обычно обретали, похожее на мираж, зыбкое состояние. Аналитический ум Люсьена никак не мог с ним мириться и в конце-концов подсказал выход: если хочешь придать мечтам наглядный абрис, нужно учиться. Очень хорошо учиться, чтобы отец не отказал, когда придет время, в просьбе продолжить образование за границей.

«Таким раздумьям он предавался много-много раз, а сегодня — в последний», — как о третьем лице сказал себе однажды вечером Люсьен, взобравшись на крепостную стену и привычно оседлав шершавый ствол бастионной пушки. Та немо глядела на желток солнца, падавшего на край гигантской океанской сковороды.

Завтра утром, сверяясь с пушкой, будто с компасом, в этом направлении его повезет океанский лайнер. Повезет — в Англию! Учиться — на инженера!

На следующий день, когда безбрежная пустыня океана за бортом лайнера поглотила берег, былая решительность на некоторое время оставила Люсьена. Страшно ехать еще безусым одиночкой в мир, который знаешь только по журналам и экрану телевизора!

Но все оказалось намного проще, чем предполагалось. Нужно было только остерегаться соблазнов, забиравших кучу денег. И никогда не забывать, ради чего был оставлен родной дом и многочисленная родня.

Так прошло три года. Он уже почти выучился на инженера, но тут у отца возникли финансовые затруднения и денег завершить дипломную работу он Люсьену не прислал. Нужно было их срочно зарабатывать. Тут подвернулся удобный случай уехать на заработки в Израиль. И оформляя документы, Люсьен горячо поблагодарил в душе прапрадедушку, который был хоть и марокканским, но евреем.

Деньги на дипломную работу в Израиле скапливались, правда не так быстро, как хотелось. Но успех никогда не приходит сразу, а только после упорных трудов. Люсьен работал

много, сразу на трех работах. Но почти не уставал. И не потому, что был вынослив, как верблюд. А потому что никогда не спешил. Успеваешь не тот, кто быстро все делает, а тот, кто делает продуманно.

Знойное солнце Израиля, его каменистая земля, синь моря, уличная толчея и вездесущие туристы все больше напоминали Люсьену его родной дом, из которого он так скрупулезно выбирался в мир. И потому очень скоро пришло время, когда Люсьен заскучал. Захотелось уехать. Но куда?

Вариантов было три. Первый — вернуться домой, в Марокко, и попытаться устроиться на инженерную работу в городе Сафи на рыбный консервный завод или на обогатительную фабрику фосфатов. Но без диплома это будет трудно. Второй — снова поехать в Англию и недостающие еще деньги зарабатывать ночной работой, а днем трудиться над дипломной работой. Но от перенапряжения сил и нервов можно заработать такое истощение организма, что тогда диплом уже не понадобится. И наконец, третий, самый заманчивый вариант, — жениться. Нет, не на смуглой красавице израильянке, а на беловолосой финке.

Люсьен встретился с ней в баре однажды вечером. Светлокожая и неторопливая, она очень заметно отличалась от надоедливо мелькавших между столиками призывно раскрашенных и экзальтированных посетительниц. Люсьен подсел к ней. Разговор долго не завязывался. Девушка плохо говорила по-английски и стеснялась этого, больше отмалчиваясь, чем вступая в разговор. Люсьен даже начал было жалеть, что испортил себе вечер. Но вдруг она попросила проводить ее к морю. На пустынном пляже они молча посидели, глядя в звездное небо, а потом стали целоваться. Когда Люсьен, весь зажженный ее прохладными и мягкими губами, полез ей в трусики, она не сопротивлялась... А потом, деловито отряхнув спину от песка, вдруг неожиданно рассмеялась и по-детски, звонко, чмокнула его в ухо и слегка куснула за мочку.

Люсьен почему-то смутился. Утром он вспомнил прохладно

ду ее губ, упругое лоно, неожиданно горячо и жадно принявшее его плоть, возбуждающий укус мочки уха. И вечером пошел в бар, чтобы снова встретиться с беловолосой финкой. Она сидела за тем же столиком. Увидев его, улыбнулась. И теперь уже не отмалчивалась, а старательно говорила милую чушь на смешной абракадабре английского и родного языка. Люсьену понравилось, что финка оказалась совсем не сухой и ледяной северянкой, а смешливой собеседницей, не имевшей в своем поведении даже тени кокетства, и довольно остроумной ответчицей в шуточных словесных пикировках. Но больше всего его поразило, что она — безработная. А путевку на отдых в Израиль купила на скопленные из пособия деньги.

Люсьен долго и дотошно выспрашивал подробности о социальном обеспечении жителей этой загадочной и далекой северной страны, чем насмешил финку до слез своим недоверием и удивлением.

Услышанное ему показалось сказкой. И очень захотелось в нее попасть. И он сделал выбор — предложил финке выйти за него замуж. Та засмеялась точно так же, как в тот вечер на берегу моря. И сказала, что им стоит пожить вначале «avolitto». А когда придет время отъезда из Израиля, и они выберут, куда им лучше будет ехать: к нему или к ней на родину, вот тогда они заключат «aviolitto» или ничего не заключат, и каждый уедет на свою родину сам. Люсьен очень удивился такой ясности и твердости взглядов финки и согласился.

В Финляндию они поехали вместе через два года ранней весной уже с двумя детьми.

В тупике пустоты (Полина)

Школьные годы незабываемы!

Не уроками и не учителями, а первозданной полнотой чувств и эмоций. И их сменой!

Помните?..

Сначала на донышке желудка плещущая ярость и обида на лучшую подружку, рассказавшую твой секрет противной рыжей дуре из соседнего подъезда! Затем выяснение с подружкой отношений, взхлеб, до брызг слюны и слез! А потом примирение, и такое до кончиков пальцев рук и ног ощущение счастья, которое редко когда испытываешь во взрослой жизни!

А ощущение своей единственности в этом мире? И чувство оскорбленного достоинства, распирающее легкие, когда нелюбимая учительница выставляет тебя на посмеище (потому и не любимая!) перед всем классом, трясая перед носом тетрадкой с невыполненным домашним заданием? Да откуда ей знать, что ты не спала всю ночь, потому что вчера, на школьной дискотеке, первый раз в жизни, ощутила неизъяснимое чувство, пронизавшее тело от щек до низа живота. Какие там уроки могут быть в голове, когда твоих бедер, спины, талии во время медленного танца касались и незаметно гладили их руки того самого мальчишки, который так поразил взгляд и сердце совсем недавно, непонятно даже чем... Смешными ямочками на щеках, что ли? Да ну, не все ли равно?! Поразил и все! А во время танца вогнал в такой жаркий трепет своими прикосновениями!.. Да неужели училке можно это понять, если у нее, воблы засушенной, такого никогда не было и быть не могло?!

Когда школа заканчивается, еще долго живешь такими ощущениями! И если в них остаться дольше, чем можно, окружающая жизнь, ранее вполне понятная и привычная, как улица за оконным стеклом на кухне, вдруг в один прекрасный момент с грубой откровенностью, цинизмом и с насмешкой отметет все, чем ты раньше жил, и появится пустота. Где-то чуть ниже горла. Вначале маленьким-маленьким, но болезненным комочком. Если перестаешь сопротивляться обстоятельствам, комочек пустоты увеличивается. Когда он вырастет величиной с хорошее яблоко, твоя жизнь пойдет в тупик.

Так случилось и с Полиной.

В 18 лет, сразу после школы, она вышла замуж не за того мальчишку со смешными ямочками на щеках, а за сына сослуживца покойного отца. Их познакомили на общей вечеринке по случаю Нового года. Парень был усат, нагловат, весел. Кто-то из его родни еще многозначительно шепнул на ушко Полине, что он крепко стоит на ногах, так как уже три года после армии работает шофером. Чем не жених для нее, живущей чуть ли не впроголодь с одной матерью? Полина и так чувствовала себя серой мышкой-школьницей в этой шумной толпе малознакомых дядек и теток, а тут такие намеки! Да и взгляды парень бросал в ее сторону красноречивые, уходя на кухню курить. Чтобы придать себе храбрости и уверенности, Полина в тот вечер впервые выпила немного лишнего. И когда он на кухне, куда Полину послали за хлебом, жарко дыша в ухо табачным перегаром, неожиданно облапил ее сзади и нагнул над столом, пытаясь, задрав подол платья, сунуться под трусики, она ощутила себя взрослой. Никто из девчонок во дворе, у которых уже было «это» с мальчишками, о таких позах не рассказывал. И когда у них в этой же позе все случилось по-настоящему, но уже чуть позже, на берегу озера, куда названный жених потащил ее гулять, Полина ощутила себя окончательно взрослой. Правда, вдобавок еще было больно. И не было ласковых слов, которых почему-то так жаждала трепещущая девичья душа. Вот тогда, чуть ниже горла, и появился у нее маленький-маленький комочек.

Прошло семь лет, прежде чем комочек вырос в большое яблоко. Все было: пьяная свадьба, странный размен подаренной свекрами трехкомнатной квартиры на дом с печным отоплением, тяжелые роды, начавшиеся пьянство и измены мужа. И бесконечный домашний труд, когда дрова из сарая, вода из уличной колонки, борьба в одиночку с болезнями маленькой доченьки ложились только на ее плечи.

Тупик в жизни окончательно наступил, когда она под Рождество вышла из больницы после тяжелой операции на

надорванных почках и дома ее никто не встретил. Муж, как передала соседка через забор, уехал в командировку третьего дня. Дочь оказалась у матери, на другом конце города, хотя свекровь, жившая на соседней улице, клятвенно обещала присматривать за внучкой.

Полина, не снимая пальто, присела на табурет возле не топленной печки. Ниже горла, в груди, вдруг образовалась такая огромная пустота, преграждая путь шедшим от сердца слезам, что не помогали даже туго сжатые, как струны на гитарных колках, кулаки у горла. В эти минуты в ней окончательно утвердилось давно зрелее решение все-таки уехать в Финляндию.

Там уже находились ее бабушка-ингермаландка и сестра бабушки тетя Хилма с сыном Иваном, ее двоюродный братом. Скоро должна была подойти и ее очередь. Скорее всего этой весной.

И неважно теперь, будет против муж или нет. Она все равно уедет. Потому что ей ехать больше некуда.

Отступление

Эмиграция

Это самый противоречивый вид человеческого существования на земле. Ведь по своему социуму человек должен жить в одноязычном или, по крайней мере, близком по этносу обществе. Как существо природой нацеленное на самореализацию, только в такой среде он может стать самодостаточным.

И тем не менее на Земле эмиграционный импульс в XX веке рождался множеством раз. Особенно массовыми исходы были из СССР. Четырьмя волнами. Конечно, по поводу сроков, причин и количеству эмигрантов в настоящее время разъяснений довольно достаточно. Но питая любознательный ум, эта статистика не отмечает главного — душев-

ных переживаний уезжавших. Ведь покидая родину, человек обрекает себя на вечную думу:

*Ты одна беспощадно утеряна,
Ты одна нестерпимо близка..*

Эти строки из стихотворения «Обреченность» поэта-эмигранта первой волны Ивана Савина, жившего в Финляндии, как нельзя лучше объясняют главные мотивы рождения эмигрантского импульса — это разлом, беспощадный и нестерпимый, прежних рамок духовного существования человека.

Грубое регулирование обществом или историческими реалиями этих рамок рождает в человеке сопротивление и стремление восстановить нарушаемый баланс между пережитым и ожидаемым, особенно, если дело касается детей. Путь восстановления этого баланса часто видится только один — через эмиграцию.

А за ней следует часто ни с кем не сопереживаемый, неизбежный и объективный процесс преодоления в себе ощущения или неполноценности, или невостребованности в новой среде обитания.

Об этом в эмиграции никто никогда никому не говорит.

Один Господь Бог только может ведает.

И вершит свой суд...

Параллели выбора

Помоги, удача... (Полина)

Усталость бывает физической и душевной. Когда автомобиль, на котором Полина переезжала в Финляндию, миновал Выборг, спины у нее, державшей еще на руках дочь, и ее попутчиков были совсем онемевшие. Шутка ли, от Петрозаводска без единой остановки! Водитель предупредил с

самого начала, что они с напарником опаздывают и потому первая большая остановка будет только на Торфяновке, на границе. Но Полина была рада этой усталости. Она заглушала душевную, плавившуюся постоянно чуть ниже горла зияющей раной.

Сколько скандалов, издевательств и даже побоев от мужа пришлось вынести ей за последние месяцы! И все из-за ее решения уехать в Финляндию. Хоть автостопом, но без него!

Только с ребенком...

Уезжала она рано утром. Машина уже подъехала ко двору. Мужа не было дома, он демонстративно ночевал у матери. Полине было все равно. Так даже было лучше. Больше душевных сил на дальнюю дорогу останется. И была неприятно удивлена, когда увидела в окно мужа, нарочито неспешно шедшего через двор к дому. Остановившись в дверях, окинул недобрый взглядом готовые к выносу сумки и чемоданы, одевающих жену и дочь.

— Собралась? Ну-ну... Смотрю, и машину достала! Ладно. Катись. А развода не жди! Не дам! Вот немного дела поправлю и Катьку заберу... Катись! Предательница! Ишь ты! Родину новую взялась искать, с...!

Он, распаяясь, наговорил бы еще больше гадостей, но тут за его спиной появился водитель. Протиснувшись в комнату, хмуро оглянулся на мужа Полины, поднял чемоданы и буркнул:

— Поехали. У меня времени нет.

Но вышел не первым, а следом за Полиной и перепуганной девочкой, словно загораживая их своей спиной от кособочившегося в ярости мужика.

Уже когда выехали за Петрозаводск, на обочине возникла долговязая фигура, машущая рукой. У Полины сжалось сердце. Хочет, видно ехать автостопом. Как она сейчас по жизни.

Водитель чиркнул ребром ладони по горлу, мол, полная машина, и добавил газу. Спустя некоторое время, успокоившись, в мыслях запоздало ответила на мужнину реплику:

— Дети — это единственное, что заменяет нам родину. И

тебе я Катюшу не отдам!.. Не покидай меня, удача! Нет надежды на мужчин. Есть только на свою кровь, кровинушку!

И крепко прижала к себе посапывавшую во сне дочь.

На финской границе, в таможене, боязливо подавая паспорт в щель под стеклянной стойкой светловолосому короткостриженному парню в зеленой униформе и слушая звучавшую за ней финскую речь, Полина вдруг поймала себя на ощущении, что душевная усталость исчезает. Понятливо кивнув головой на «olkaa huvää» таможенника, взяла дочь за руку, вышла с ней в сами открывшиеся двери, свернула к стоянке, где нетерпеливо топтался у автомобиля водитель, и остановилась.

Море огней, чистота. И счастливо улыбнулась.

Они с дочкой здесь теперь не пропадут! Ее автостоп здесь будет более успешным, чем у долговязой фигуры на обочине дороги под Петрозаводском.

Лишь бы новое окружающее побыстрее к сердцу изболевшемуся приблизить. А в этом ей помогут бабушка и тетя Хилма, как они уже не раз писали в письмах.

«Золотая клетка» (Люсьен)

Когда у тебя нет твердой уверенности, что ты все делаешь правильно, можно себя потерять. Это чувство возникло у Люсьена почти сразу по приезду с женой и детьми в Финляндию. Его поставили в тупик требования сразу трех организаций: SOSIAALIVIRASTO (учреждение социального обеспечения), KELA (организация, регулирующая выплаты по безработице) и TYÖVOIMATOIMISTO (биржа труда). Каждая обязывалась помочь, но каждая предъявляла свои права. Например, SOSIAALIVIRASTO их обеспечило квартирой, но потребовало вовремя предоставлять бумаги из другого ведомства. KELA, которое предоставляло деньги, требовало вовремя сдавать помесечный календарь занятости. TYÖVOIMATOIMISTO, в свою очередь, теребило каждого, обязывая в указанный срок явиться и отчитаться, где он: на

курсах, на практике или просто сидит дома. Такие условия проживания и условности его осуществления Люсьену все больше стали напоминать «золотую клетку», чем сказку, о которой он мечтал.

Наблюдая за размеренно текущей мимо жизнью, в которую он никак не мог толком включиться, Люсьен все больше замыкался в себе. Чье-либо внимание или советы стали раздражать, казаться попыткой посмеяться над ним. Особенно со стороны жены, которая после приезда активно взялась за свое и детей здоровье. Бассейн, тренажерный зал, курсы аэробики для себя и какие-то спортивные игры-эстафеты для детей посещались ими на редкость регулярно. Кроме того через TYÖVOIMATOIMISTO жена устроилась на практику в спортивный магазин, хозяин которого был настоящим фанатом марафонского бега. Тактичные намеки жены следовать ее примеру вызывали на сердце Люсьена сиротливые ощущения, которые действовали глумливо на душу, гадливо на чувства и гневно на мозги. Чтобы скрыть их проявления, им все чаще одевалась на лицо защитная маска иронии. Ограждая от окружающих, она не спасала от дисгармонии собственных мыслей, воздушные шарики которых все чаще лопались на взлете, а не уносились в привычную голубую высь грез и желаний.

С таким настроением Люсьен и пришел на языковые курсы, приглашение на которые он получил от TYÖVOIMATOIMISTO через два месяца после приезда в Финляндию.

Бегство в одиночество (Денис)

Жена Дениса никогда не видела в нем надежную опору для себя и сына, но сама, будучи не уверенной в завтрашнем дне, держалась за него по житейскому принципу: «Хоть такой-сякой Пантелей, а все ... веселей». Пусть муж переполнен несбыточными мечтами, пусть ждет от жизни чуда

и витает в облаках! Он делает все, что может, чтобы обеспечить семью! И он не виноват, что чем дальше, тем хуже у него это получается.

И вот, когда вдруг оказалось, что эту жизнь можно поменять на другую, на заграничную (то есть, грезы мужа все-таки стали реальностью!), она почувствовала такой прилив душевных сил, что удивила даже Дениса своей напористостью и предприимчивостью.

Материальным эквивалентом сбывшихся надежд стали билеты на самолет, на котором они прилетели в Москву, а затем на поезд из Москвы до Хельсинки.

Бегство от нищеты завершилось благополучно.

На языковые курсы их до весны не взяли. Сытая жизнь стала разжижать связующие ранее узы, и началось, незаметное даже для них самих, бегство друг от друга.

Денис целыми днями пропадал на рыбалке или в библиотеке, где открыл для себя на экране компьютера удивительный мир интернета, и готов был, как под голубым парусом, носиться по нему сутками, жадно впитывая оживающими мозгами безбрежный океан новых знаний.

Жена ощутила в себе не разбуженные силы женских начал и обрушила на себя весь арсенал обнаруженных в Финляндии средств усовершенствования женской природы. Бассейн, аэробика, танцевальный кружок, утренние и вечерние прогулки с новыми подружками по супермаркетам, всяческие магазины уцененных товаров — во всем этом она чувствовала себя, как рыба в воде, и наслаждалась новой жизнью вздохом.

В середине весны их наконец-то пригласили на языковые курсы. Попали они в разные группы, что восприняли с тайной радостью и облегчением. Всяческая близость, духовная и физическая, уже к этому времени между ними почти сошла на нет.

В их доме поселилось одиночество.

И такой выход «в люди» для них стал спасением от него.

Отступление

Угол выбора

Цель жизни человеку всегда видится под углом. Как развилка дорог. Чуть влево — и начинается погружение в волны материального приобретательства и потребительства. Чуть вправо — и попадаешь в плен иллюзий о своей избранности.

Но движется человек всегда по биссектрисе этого угла, собирая в равной мере и то, что слева, и то, что справа.

Другими словами, биссектриса в жизни человека всегда неизменна: по факту своего прихода в этот мир человек ведь не самоубийца и не должен впасть в крайности. Изменяется только угол видения цели. По воле человека.

Угол может стать вальяжно-тупым, если человеку цель жизни видится в дымке плохо представляемых координат. Она от этого становится далекой и неясной. занести человека в таком случае может с одинаковой легкостью как по одну сторону биссектрисы, так и по другую. И выбраться он может на правильный путь, то бишь, на биссектрису, ведущую к цели, с такой же легкостью.

А может угол видения цели стать и звеняще-острым, если человек по биссектрисе выбора летит к цели, как стрела. Любое смещение в сторону в этом случае чревато нокаутирующим ударом. По быту, по привычкам, по образу жизни, мечтам и ожидаемым перспективам.

Человек в таких случаях может потерять себя.

А может открыть перед своим внутренним взором... и новый угол.

И новую биссектрису выбора.

Ход биссектрисы

Велосипедная дорожка

Хотя уже стемнело, но Денис был уверен, что жены дома нет. И потому поморщился, когда, открыв входную дверь, увидел на кухне свет. Еще больше расстроился, когда обнаружил, что она не одна. За кухонным столом, сервированным чашками, тарелками с печеньем и резаными кружочками лимона, сахарницей и рюмками, напротив жены, лицом к двери, сидела его однокурсница Полина. Они уже виделись днем. Но Денис почему-то поздоровался так, будто они не виделись еще с прошлой недели.

Полина потупила глаза и ответила осторожно, будто боясь чем-то обидеть жену Дениса. Та весело замахала мужу рукой, мол, чего встал, давай, присаживайся! Денис удивился. Такого радушия со стороны жены не замечалось уже давно. Водку ему в рюмку жена налила из маленького графинчика, стоявшего в сторонке, на подоконнике.

Ишь ты! Бутылку, видно, показывать не хочет, чтобы непонятно было, откуда водка: из АЛКО (водочный магазин) или из России. Графинчик, графинчик! Для жены он талисман. Ей перешел от матери, а той — от бабки. Маленький, пузатенький, водочка из него так аппетитно булькает! Сразу на мирный лад настраивает!

Чувствовала что ли теща, что у него с ее дочерью разлад здесь начнется? Графинчик с собой взять настояла. Жена сначала отнекивалась, а потом, когда с матерью пошепталась, и в бумагу бережно завернула, и в чемодане в безопасное место поместила. Будто не талисман это был, а настоящий оберег! Непонятно только, от кого: то ли ее от него, то ли его от нее? Впрочем, неважно! Важнее понять, зачем Полина здесь?

В классе они сидели по углам напротив друг друга. Но там их разделяли парты. А сейчас ничего не разделяло, и он вдруг увидел, что у нее нежные скулы, милая, скрытая в

уголках красиво очерченных губ, улыбка и очень интересная манера, как у японских гейш, опускать такие же улыбчивые глаза и склонять чуть в сторону голову.

Выпитая водка расслабила. Денис заговорил легко и уверенно. Скоро он узнал, что жена и Полина познакомились на курсах танцев, куда обе записались еще месяц назад. Сегодня не было репетиции, и чтобы скоротать неожиданно освободившееся время, сходили, вернее, съездили на велосипедах друг к другу в гости. Денис застал их уже в конце обоюдного визита, завершавшегося у них в доме.

Посидев немного, Полина засобиравлась, ссылаясь что ей еще надо успеть, пока не закроются входные двери, захватить к бабушке. На горячие уговоры жены еще посидеть, мол, успеешь, ты же на велосипеде, не поддалась. Явно не желая оставаться с мужем наедине, жена вдруг предложила Денису проводить гостью. Тот не стал возражать. Подъездная дверь оказалась уже запертой.

— У вас дверь раньше закрывается! А у тебя есть ключи с собой? — спросила Полина, придерживая мягко двинувшуюся на место дверь.

— Есть, есть! — Денису стало приятно от такой неожиданной заботы. — Попаду домой, не волнуйся. Хотя лучше бы и не попадать!

— Зачем ты так?

— А ты как будто не знаешь? Разве супруга ничего не нажужжала?

Полина неопределенно пожала плечами.

— Да ясно, как божий день! Все рассказала! На все печать поставила! И рохля, и тюха! Сюда переехали, все равно таким же остался! Что, не правда разве?

Полина снова неопределенно пожала плечами, но вслух возразила.

— Ну зачем ты так говоришь? У вас все хорошо. И жена у тебя милый человек. Она, кстати, очень хорошо танцует!

— Это я знаю! А, кстати, твой велосипед не на замке! Почему?

— Я вечно забываю про замок. Да ничего страшного. Велосипед старый, никому и даром не нужный.

— Как сказать! Но в нашем районе велосипеды и правда не трогают. Сразу поедem или прогуляемся?.

— Прогуляемся.

Придерживая велосипеды за руль, Полина и Денис прошли немного вперед велосипедной асфальтированной дорожкой и свернули на боковую, которая шла вверх через лесной участок в черте города и была утрамбована мелким гравием. Эта дорожка, достигнув вершины холма, упиралась в небольшую площадку обзора, с которой открывалась панорама всего города. Они поставили велосипеды и подошли к краю площадки.

— Как красиво! Я здесь в первый раз!

— Да, красиво. Я часто сюда хожу гулять.

— С женой?

— Нет, один. Почему ты спросила?

— Она удивительная женщина.

— Да уж.. точно! У нее есть... необычные черты. А вы на танцах познакомились?

— Мы уже тебе говорили, что да. А почему ты не ходишь? У нас есть семейные пары.

— Это у нас семейное. Я не очень люблю общество в отличие от нее...

— Не обнимай меня так!.. Мне больно...

— Прости, не хотел!..

— Какой же ты, оказывается... грубиян!

— Разве? А я думал, что сплошное очарование!

— Может быть. Но...

— Что «но»?

— Не надо так. Не спеши.

— Но я хочу этого. И ты хочешь.

— Нет! Ты ошибаешься! Я не люблю грубых и самоуверенных мужчин.

— Извини! Ты мне понравилась!

— Неужели?! Что-то не замечала.

— Ах ты, маленькая оса! Умеешь ужалить!

— Я не жалею. Я замечаю и подчеркиваю замеченное.

— Ты прелесть!

— А ты спешишь. И делаешь больно.

— Извини...

Вечерний воздух был свеж и вкусен. Панорама города, расчерченная огнями фонарей и реклам, — восхитительна. А еще эта женщина — и знакомая, и незнакомая...

Денис ощутил в груди забытую нежную робость, которая всегда возникала у него ранее в общении не просто с пустышками-любовницами на короткое время, а с полюбившимися сердцу на долгое время женщинами.

Неужели он еще не растратил этих чувств?!

Денис поспешно убрал с плеча Полины за спину руку и склонился, стараясь заглянуть в потупленные глаза собеседницы. Та застенчиво улыбнулась и, отступив пару шагов назад, повернулась и направилась к велосипедам.

Денис почти выкрикнул ей вслед:

— Ты откуда, девочка?

Полина повернула в его сторону голову, обдав ласковым теплом улыбающихся глаз.

— Из Петрозаводска.

— Там все такие?

— Не знаю.

— Уже почти три месяца учимся вместе, и только сейчас толком разглядел, какая ты.

— Страшная?

— Нет! Удивительная!

— А как же жена?

— Маленькая оса! При чем тут жена?

— Ты не говоришь ей таких слов. И потому у тебя с ней проблемы.

— Хм! Жена поделилась? Только это не у меня, а у нее проблемы. Ищет, не знает сама что...

— Не надо так зло... Мы все ищем...

— А что искать? Надо просто жить! Понимаешь? Жить!

Удивляться окружающему и восхищаться им! Ведь вокруг такая прекрасная жизнь! А мы... а мы просто перестаем ее замечать! И мчимся за радужными призраками нашего воспаленного воображения. И ничего не находим! А надо искать не мыльные пузыри, а просто жить! Разве не так? Ты когда сюда переехала, ты начала ЖИТЬ? Все проблемы, не знаю, какие они у тебя там были, ушли в ПРОШЛОЕ? Ушли. Не спорь со мной, ушли. И теперь перед тобой одно — кем ты себя здесь ощущаешь? Сиротой или одинокой? Если сиротой, значит, цену себе потеряла. Значит, требованиям новой жизни не соответствуешь, серой мышью в ней себя чувствуешь. Это рождает отрицательный поток эмоций: гневливость, сварливость, драчливость и, самое отвратительное, завистливость. А если одинокой, значит, ты просто еще невостребованная. Ты еще не сблизилась с тебе подобными вокруг тебя. Это не унижает, как сиротство. Это рождает созидающий поток эмоций: пытливость, терпеливость, понятливость и, наконец, главное — совестливость. Последнее не позволяет забыть, кто ты есть. Не позволяет отказаться от самого важного в жизни человека: быть самим собой. Не так ли?

— Наверное.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Я не ощущаю себя в Финляндии сиротой. Со мной здесь моя дочь.

— Извини. Ты замужем?

— Муж остался в Петрозаводске.

— Ты от него сбежала?

— Да.

Денису стало неловко. Он почувствовал, что бисер умностей, который он метал перед этой много повидавшей женщиной, нисколько ее не трогает.

— Извини. Я, кажется, наговорил лишнего?

— Совсем нет. Мне интересно.

Ее глаза не лукавили, улыбка была не насмешливой.

Денис глубоко вздохнул и улыбнулся в ответ.

У него было легко на душе, как никогда. И совсем не хотелось расставаться.

Потому он проводил Полину до дома ее бабушки, у которой была оставлена на время репетиции дочь Катя.

Прогулка в машине

Люсьен ожидал детей в машине, чтобы отвезти их в детский сад. Его всегда раздражали эти утренние сборы, превращавшие дом в муравейник, в базарную сутолоку, в разбрасывание во все стороны с вечера сложенных вещей, другими словами, во все, что угодно, но только не в спокойное, деловитое утро, когда после бритья и душа, после чашечки ароматного кофе нужно спокойно выслушать утренние новости и прогноз погоды, собраться с мыслями перед учебным днем. Люсьен понимал, что глупо раздражаться, дети еще маленькие. Но ничего не мог с собой поделать. Поэтому после совершения нехитрого мужского утреннего ритуала в ванной у зеркала и выпитой чашечки кофе, Люсьен, по мере надобности, делал замечания детям, давал жене наставления и уходил в машину слушать новости по радио.

Вот и сегодня он сделал то же самое. Но спокойное ожидание выхода детей под монотонный голос диктора нарушило появление Полины, проехавшей мимо его машины на старом, с огромными колесами и высоким рулем, велосипеде. Это было неожиданностью, потому что эта сокурсница здесь не жила.

Сидя в своем углу из бетонной стены и стеклянной перегородки, она редко проявляла присутствие репликами или действиями. Больше молчала. Потому Люсьен заметил ее и сделал объектом изучения нескоро. Она всегда будто пряталась. Это Люсьена удивляло. Чего можно в Финляндии бояться? А потом понял. В ней удивительно сочетались природная деликатность и стеснительность, нежелание кому-либо навязаться или чем-либо выделиться. Она пред-

почитала больше созерцать происходящее, чем в нем участвовать. Это понравилось Люсьену. Он не любил выскочек. Особенно таких, как их сокурсник Денис. Назойливый и всегда себе на уме. Не знаешь, чего от него можно ожидать. Ну что за манера, например, каждое утро здороваться со всеми, даже с женщинами, за руку? Люсьена этот ритуал раздражал необыкновенно. А вдруг Денис только что из туалета вышел со специально неммытыми руками? Идти самому их что ли теперь мыть?

Между тем Полина свернула к дому напротив, поставила на решетку для велосипедов свой «харлей» и зашла в подъезд. К кому? Ах да, там же живет женщина, ее землячка! Она часто ездит, как его, в этот город, где жила Полина? ПЕТЬ-РОЗА-ВОСЬК! Вот! Три русских слова образуют его название. Причем, разных каких: и делать пение, и растение, и пчелы! Ну ужас, как трудно его запомнить!

Люсьен вспомнил манеру Полины слушать, наклонив голову чуть-чуть набок и вдруг ему нестерпимо захотелось снова увидеть ее. Желание было таким сильным, что он зарзал на сидении. Но тут из подъезда с шумом выскочили его дети, и Люсьен отвлекся. Мысли о Полине вернулись, когда он занял свое место в классе.

Полина, как всегда, сидела, отвернувшись от всех, и смотрела через стекло в фойе. Там пробегали последние опаздывающие учащиеся, деловито вышагивали первые учителя с принадлежностями для урока. Их учителя еще не было.

Люсьен жадно всмотрелся в Полину. И как он не замечал ее ранее? О! Это была она, та самая, о которой он тайно мечтал всю жизнь!..

Почувствовав, что у него начинают гореть уши, Люсьен покосился по сторонам, не замечает ли кто его состояния? Никто не обращал на него внимания, каждый был занят своими делами. Только один Денис смотрел на него в упор.

Ну вот, как всегда... Чего смотреть?!

Люсьен потер бровь и занялся перелистыванием записей. Когда же украдкой взглянул в сторону Дениса, то не уви-

дел его... на своем месте. Он стоял возле стола Полины и что-то с жаром ей тихо объяснял. Та слушала без привычной улыбки в глазах и рассеянно перебирала лежавшие на столе бумаги.

Люсьен сразу это отметил и неожиданно для самого себя повеселел. Денис не имеет шансов завоевать сердце Полины! Ну что ж, тогда надо быть более решительным! Предложить, например, Полине отвезти ее домой. Это будет хороший для него и незаметный для всех случай говорить без свидетелей!

С этим он и подошел к ней после уроков. Как мучительны и неповоротливы еще слова финского языка, когда хочешь выразить свои чувства и пожелания!

Люсьен покрылся горячим потом, пока все сказал. Полина выслушала его терпеливо и без улыбки. А потом вся засветившись ею, сказала, конфузливо пожимая плечами, что приехала на курсы на велосипеде и не сможет сесть к нему в машину.

Люсьен затоптался на месте и, робея, спросил, свободна ли она вечером, он тогда бы мог ее покатать на машине. Полина засмеялась и без слов кивнула головой.

Договорились на семь часов вечера. Для Люсьена это было первое в Финляндии свидание с другой женщиной. И потому, пусть хоть и скрытый, но пыл его сборов и волнение жена заметила. Сидя у телевизора, она внимательно посмотрела на галстук и белую рубашку, незаметно принюхалась к запаху нового одеколona, смешливо дернула носом. Поерзав в кресле, хотела было пошутить, чтобы не забыл взять с собой презерватив, и... промолчала.

Но она была недалеко от истины. В кармане пиджака Люсьена действительно лежал презерватив.

Хотя и первое свидание... Глупо надеяться, но — на всякий случай!

На вопрос детей, куда собрался папа и можно ли пойти с ним, жена без всякой насмешки, а с полной серьезностью сказала, что на деловую встречу и ему нельзя мешать.

Люсьен почувствовал некоторую неловкость от саркастического вранья жены и поспешил уйти.

Полина опрятно села в машину рядом с Люсьеном, глянула на него открыто и весело, спросила односложно, куда они поедут. Люсьен, весь напряженный от почему-то нахлынувшего волнения, односложно ответил, что на озеро. Полина несколько не удивилась, а наоборот, по-детски зажмурилась и радостно захлопала в ладоши.

Люсьен сразу ощутил себя большим и надежным. Сакральные мысли об обязательной близости на берегу озера отпали как-то сами собой. Стало легко и весело на душе. Захотелось поговорить о сокровенном.

Когда приехали к озеру, Люсьен первым и начал разговор.

К откровению располагали красивый закат, зеркальная гладь озера, тишина. Да и кровь так забыто и сладко волновалась от присутствия этой светловолосой, нежной, как зефир, девушки. Слова подбирались медленно, но верно, и, как казалось Люсьену, убедительно.

— Моя родина красивая. Она как маленькая жемчужина. В Швеции я видел воздушные шары. Мне бы очень хотелось увидеть свою родину с воздушного шара. А здесь, в Финляндии, летать не хочется. Здесь другие требования. Здесь хорошо кататься на машине, на лодке, на лыжах. Но не летать. А тебе хочется летать?

— Нет, мне хочется ехать. Или плыть. На лодке. У нас в Петрозаводске, у папы, была своя лодка.

— Тогда тебе здесь, в Финляндии, жить будет хорошо. Тебя всегда могут взять в машину, в лодку с собой, когда ты попросишь. А меня не возьмут.

— Неправда. Тебя тоже могут взять.

— Не хочу. Человек не должен менять своих взглядов со сменой места проживания. Я лучше буду ехать один. Или просто летать.

— Но тогда ты не сможешь ни с кем познакомиться.

— А зачем?

— Чтобы подружиться, чтобы они стали тебе близкими!

— А зачем? У них возникнут к тебе требования. А у тебя не будет желания их выполнять. Что тогда?

— Тогда ты будешь жить, как сирота. (Полина вспомнила слова Дениса)

— Неверно. Я живу полновесной жизнью согласно своих взглядов. Этим, ты знаешь, в группе внушаю к себе доверие. Сирота доверия не внушает. Его жизнь идет по течению. Я от обстоятельств не завишу.

— Тогда тебе очень одиноко в жизни.

— Я рад, что ты это понимаешь. Потому что, я думаю, ты тоже одинока.

— Сейчас да.

— А почему именно сейчас?

— Потому что перестала ощущать прежние собственные достоинства

— Твое достоинство в том, что ты очень нежная и добрая.

Полина покраснела и опустила глаза.

Странно и приятно было слышать такие комплименты от человека, который был самым авторитетным в группе и который за три месяца учебы ни разу сколько-нибудь не обратил на нее внимание. Полина посмотрела ему в глаза. Они были похожи на черные виноградины в бахrome пушистых ресниц. Горячие и влажные. И беспомощные, как у маленького ребенка. Полине стало почему-то жаль его, и она погладила Люсьена по щеке. Тот схватил ее руку и прижался губами к ладошке. Она была мягкая, нежная и пахла детством. Какой-то полузабытой сказкой преисполнился мир вокруг них. И боясь спугнуть ее, Люсьен и Полина тихонько присели сначала на теплый камень, а потом скользнули за него в трепещущую тень, порожденную серебряным лунным светом озера.

Черной кляксой на камне остался лежать пиджак Люсьена.

Встреча на лестнице

За дверью квартиры Полины был слышен вой работающего пылесоса.

— Не вовремя. Нужно было бы прежде позвонить. Цветы смешно будут выглядеть. Ну а конфеты?.. Все равно! Пора звонить!

Пылесос стал завывать ближе к двери. Стукнул отодвинутый стул.

В это же время стукнула внизу входная дверь. Послышались шаги. Кто-то стал подниматься по лестнице

Денис протянул руку к звонку.

Пылесос завыл под самой дверью.

— Садюга какой-то! — мелькнула мысль.

Стало неловко. Будто этим словом Полину мог обидеть.

На лестничную площадку ступил Люсьен. Свежевыбритый, в белой рубашке, пахнущий нежной туалетной водой, с бордовой розой в целлофановой трубе и с полителеновым пакетом, в котором барельефились бока бутылки вина и фруктов. Пылесос остервенело застучал щеткой под дверью о порог.

Глаза мужчин встретились...

Воздушные шары мистически плывут в небе, постреливая огоньками подпиток теплым воздухом и соблюдая порядок и очередность шествия по небу в гордом одиночестве.

Регата парусников легкими перышками маячат под линией горизонта, где сливаются небо и море и не поймешь, на каком из них алые паруса.

Пробегающие мимо автомобили не отвечают на автостоп, обдавая пылью, музыкой и несбыточными надеждами. И не рассмотреть, кто сидит в них, даже если очень захотеть. До тех пор, пока автомобиль не остановится.

Финал всех треугольников

Необычные трехстенные классные комнаты в фойе учебного центра для иммигрантов существовали ровно столько, сколько учились не помещавшиеся в обычные аудитории группы. После их выпуска стеклянные стены с дверями сняли, мебель вынесли, полы привели в порядок. Вдоль снова возникших наружных окон появились цветы и скамьи, автоматы с ледяной кока-колой и горячим кофе. Фойе вновь стало местом пребывания учащихся перед началом занятий и во время кофейных пауз.

Эйя вздохнула с облегчением, потому что, как сама себе не раз признавалась, работа в этом треугольном классе ей всегда напоминала работу дрессировщика в клетке... нет! нет! конечно, не со львами или тиграми. Ученики в ее группе, естественно, были нормальными. Просто они были людьми разных национальностей и каждый из них приехал в Финляндию по разным причинам. Она в силу своих способностей и опыта, как учитель финского языка, всеми силами помогала им влиться в жизнь своей страны. Такая работа всегда кропотливая и почти малопредсказуемая на результат, как у дрессировщика. Ощущение это еще усиливала и треугольная комната, в которой, если повернуться к сидевшим в одном углу, оставляешь за спиной остальных в двух других. Ну чем не клетка? Хорошо хоть не со зверями...

Новая группа, которую она получила после «треугольной», была уже помещена в нормальную аудиторию. Работа в ней пошла в обычном ключе, в привычном пространстве четырех прямых углов, в котором всегда хорошо видятся пропорции любых плюсов и минусов жизни, чему Эйя очень радовалась.

Из «треугольной» группы Эйе никто больше не встречался. Только однажды, спустя полгода, в PLAZZA-маркете она увидела шедших за руки Дениса и Полину. У Полины под курткой был заметно округлившийся живот.

Смутное воспоминание о написанных когда-то на доске

удививших ее фразах шевельнулось в ней. Значит треугольник перестал быть треугольником?!

В подтверждение ее мыслям к этой паре подбежала девочка в комбинезоне. Денис весело и любовно подхватил ее на руки. Эйя вспомнила, что это была дочь Полины.

Не глядя в их сторону, стараясь, чтобы они ее не заметили, учительница прошла стороной. Зачем лишний раз вмешиваться в их и так достаточно перемешанную жизнь?

2002 — 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Фантом журавлика (эссе)	3
80-е годы	
Черные кресты на красном галстуке	6
На переговорном пункте	11
Сны Веры Павловны	14
В гостях	23
Дороже золота	29
90-е годы	
Фиолетовая книжка	31
Я отвечаю	34
Проповедь	43
Ромик	47
Ансамбль	54
А жить?!	58
От ненависти до смешного — один шаг	68
2000-е годы	
«Olettamus» (Предположение)	72
Вспышка света	78
Берега памяти	84
Биссектриса выбора (повесть)	88

Леонид Корниенко
ФАНТОМ ЖУРАВЛИКА

Эссе, рассказы, повесть

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка, макет — Александр Стадник
Обложка — Татьяна Виноградова
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Times
Тираж 100 экз.
Сдано в набор 21.10.2010
Подписано в печать 20.11.2010

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75
Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.